

ISSN 2072-8557

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

№ 3 / 2012

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

<i>Баранов Ю. В.</i> Разработка закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г.	5
<i>Козьякова Н.С.</i> Нормативно-правовая природа канонического (церковного) права.....	11

РАЗДЕЛ II. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Ганский М.А., Семькин В.А.</i> Нематериальные убытки в гражданском праве как институт возмещения репутационного вреда организаций	15
--	----

РАЗДЕЛ III. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Коновалова И.А.</i> Роль государственной политики в предупреждении преступности несовершеннолетних.....	21
--	----

РАЗДЕЛ IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Дерябина Е.М.</i> Европеизация международного публичного права: основные формы	29
<i>Шановалов Н.И.</i> Правовая природа органов политической кооперации, их место и роль в системе органов Европейского Союза.....	34

РАЗДЕЛ V. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЁНОГО

<i>Владимиров А. Ю.</i> Анализ влияния объективного признака хищения («безвозмездное изъятие») на квалификацию деяния	41
<i>Лиджеева Н.Г.</i> Принятие калмыками российского подданства: историко-правовой аспект	45
НАШИ АВТОРЫ	49

CONTENTS

SECTION I. HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

<i>Yu. Baranov.</i> Development of the law «on the minors working at factories, mills and manufactories» from June 1, 1882	5
<i>N. Kozyakova.</i> The Legal Nature of Canonical (Church) Law	11

SECTION II. PRIVATE LAW AND ENTREPRENEURSHIP

<i>M. Gansky, V. Semykin.</i> Intangible Damages in Civil Law as an Institution of Reputational Harm Recovery	15
---	----

SECTION III. STRENGTHENING THE RULE OF LAW SCIENCE, FIGHT AGAINST CRIME

<i>I. Kononova.</i> The Role of Public Policy in Preventing Juvenile Crime	21
--	----

SECTION IV. INDIVIDUAL ISSUES OF LAW AND ENFORCEMENT

<i>Ye. Deryabina.</i> The Europeanization of Public International Law: Basic Forms	29
<i>N. Shapovalov.</i> The Legal Nature of Political Cooperation Bodies, their Place and Role in the EU System of Bodies	34

SECTION V. TRIBUNE YOUNG SCIENTIST

<i>A. Vladimirov.</i> The Impact of Objective Sign of Theft (“Uncompensated Seizure”) on Act Qualification	41
<i>N. Lidzheyeva.</i> The Kalmyks’ receiving Russian citizenship: historical and legal aspects	45
OUR AUTHORS	49

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 34(091) (470)

Баранов Ю.В.

Московский государственный областной университет

РАЗРАБОТКА ЗАКОНА «О МАЛОЛЕТНИХ, РАБОТАЮЩИХ НА ЗАВОДАХ, ФАБРИКАХ И МАНУФАКТУРАХ» ОТ 1 ИЮНЯ 1882 Г.

Yu. Baranov

Moscow State Regional University

DEVELOPMENT OF THE LAW «ON THE MINORS WORKING AT FACTORIES, MILLS AND MANUFACTORIES» FROM JUNE 1, 1882

Аннотация. В статье анализируются проекты различных комиссий, а также пожелания, высказывания и замечания фабрикантов, земств, губернаторов по вопросу ограничения труда несовершеннолетних рабочих. Огромный фактический материал по данной проблеме был учтен комиссией Министерства финансов, что позволило разработать и принять закон от 1 июня 1882 г. Этот законодательный акт положил начало созданию трудового законодательства в Российской империи.

Ключевые слова: малолетние рабочие, детский труд, несовершеннолетние, проект, закон 1 июня 1882 г., фабричное законодательство, фабричная инспекция.

Abstract. This article analyzes the projects of various committees, as well as suggestions, comments and remarks by manufacturers, district councils and governors on the issue of limiting child labor. The enormous amount of factual data on the subject was taken into account by the committee of the Ministry of Finance, which resulted in developing and adopting the 1882 Act. The Act laid the foundation of labor legislation in the Russian Empire.

Key words: underage workers, child labor, minors, draft, the Law of June 1, 1882, factory legislation, factory inspection.

Отмена крепостного права способствовала быстрому росту капитализма в России, сопровождавшемуся беспощадной эксплуатацией детей, как дешевой рабочей силы. Особенно широко использовался труд детей в стекольном, табачном, писчебумажном производстве. Со временем к власти пришло понимание, что дальнейшее применение труда несовершеннолетних рабочих являлось невыгодным для развития промышленности и угрожало будущему существованию нации и государства. Для решения этой проблемы государству необходимо было создать правовые основы применения и охраны труда несовершеннолетних рабочих. Но его желание ограничить детский труд затрагивало интересы буржуазии. Достичь взаимопонимания между участниками субъектов права – государством и буржуазией – можно

было лишь принятием закона, удовлетворяющего обе стороны. Тем более что в европейских странах эту проблему уже решали на практике. В разных странах не принимали на производство детей моложе 8-12 лет, и рабочий день детей до 14 лет продолжался от 6,5 до 8 часов в сутки; ночная работа для них была запрещена, и они обязательно посещали школу; для надзора учреждалась фабричная инспекция [6, с. 177, 178, 186].

Данная проблема рассматривалась как составная часть дальнейшего развития фабричного (трудового) законодательства. Основными при разработке законопроекта являлись следующие вопросы: с какого возраста и сколько часов можно работать несовершеннолетним? обязаны ли они посещать школы? кто и как должен контролировать соблюдение законодательства? и т. д. Созданная в 1859 г. при С.-Петербургском генерал-губернаторе комиссия собрала подробные сведения о малолетних рабочих на Петербургских фабриках и убедилась во вредном влиянии, оказываемом непосильной работой на детский организм. Поэтому до принятия закона о работе малолетних комиссия постановила не принимать на фабрики и заводы детей моложе 10-летнего возраста, и продолжительность рабочего дня для 10-12 летних была определена в 6 часов, а для 12-14-летних – не более 12 часов в сутки. Кроме того, лица моложе 16 лет к ночным работам не допускались. Все они были обязаны посещать школы. Ответственность за исполнение этих правил возлагалась на фабрикантов. Для надзора за исполнением закона для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде назначался инспектор фабрик и два его помощника. За нарушения закона о работе малолетних виновные должны были уплачивать штрафы [1, с. 20-25, 61-62].

После всестороннего обсуждения был принят окончательный вариант: 1) не принимать на фабрики и заводы детей обоего пола моложе 12 лет; 2) малолетние рабочие от 12 до 14 лет могут работать не более 10 часов в сутки; 3) ночная работа не достигших 16-летнего возраста запрещалась [1, с. 24, 25]. Проект

был разослан для ознакомления губернским администрациям и предпринимателям, большинство из которых проект не поддержало. Но работа комиссии не пропала даром и в том же (1859 г.) году при Министерстве финансов создается комиссия под председательством А.Ф. Штакельберга. Основываясь на материалах предшественников, члены комиссии поддерживали предложение не принимать на работу детей моложе 12 лет, предложили установить продолжительность 12-часового рабочего дня, полагая, в том числе, два часа для завтрака, обеда и отдыха, с воспрещением ночной работы до 18-летнего возраста. Для надзора за промышленными заведениями назначался инспектор с помощниками, а там, где их не было, надзор возлагался на полицию [9, с. 182-183].

Российские фабриканты новый проект резко осудили. Например, члены Московского отделения мануфактурного и коммерческого советов, высказали следующие замечания: предел малолетия ограничить 15 годами; продолжительность рабочего дня малолетних должна быть 14 часов; к ночной работе привлекаются лица, достигшие 15-летнего возраста. Надзор за промышленными заведениями возложить не на инспекторов, а на промышленный совет и общественные управления [8, с. 43, 46]. Видоизмененный проект поступил на заключение Министерства внутренних дел, но дальнейшего развития не получил, а большинство вопросов сделалось предметом обсуждения новой комиссии, учрежденной в 1870 г. под председательством П.Н. Игнатьева при Министерстве внутренних дел. Комиссия представила свой проект устава о личном найме рабочих и прислуги, который после обсуждения в Государственном совете принял окончательный вид: было оставлено общее правило, воспрещающее принимать на работу детей моложе 12 лет. Определены возрастные группы малолетних рабочих: 1-я – от 12 до 14 лет, а 2-я – от 14 до 17 лет. Дневная работа малолетних от 12 до 14 лет ограничивалась 6 часами, а от 14 до 17 лет – не более 8 часов в сутки. Ночная работа несовершеннолетних состав-

ляла от 4 до 6 часов в сутки в зависимости от возраста; хозяин был обязан побуждать малолетнего рабочего к посещению церкви и школы; за нарушение правил виновный в том наниматель или хозяин подвергался аресту или денежному штрафу; за причинение вреда здоровью малолетнему рабочему полагалась от хозяина компенсация¹.

Но и этот проект также не получил утверждения, а передан был в особую комиссию графа статс-секретаря графа П. Валуева, учрежденную в 1874 г. при Министерстве внутренних дел. Члены комиссии начали работу с изучения вопроса о числе несовершеннолетних на производстве. Их оказалось на фабричных заведениях от 6% до 40% общего числа рабочих. При одинаковой с взрослыми продолжительности работы, доходящей в некоторых заведениях до 17 часов в сутки, попадались дети до 10-летнего возраста, причем 10-12-летние составляли от 2,5% до 33,9% общего числа несовершеннолетних до 17-летнего возраста [9, с. 364]. Члены комиссии подтвердили запрещение принимать на работы детей моложе 12 лет; малолетние обоего пола от 12 до 15 лет могли работать днем не более 5 часов; несовершеннолетние от 14 до 16 лет могли трудиться не более 8 часов в сутки; при этом признавалась возможность понизить предельный возраст с 17 до 16 лет, тем самым ухудшая положение несовершеннолетних. Признав ночную работу губительной для здоровья детей, комиссия приняла во внимание, что есть производства, на которых можно допустить ночную работу малолетних (от 4 до 6 часов). Хозяин несовершеннолетнего работника не должен требовать от него работ, не свойственных его возрасту и силам; он обязан был устраивать школы для малолетних рабочих; за нарушение закона виновный подвергался штрафу за каждого работника, а за неоднократные нарушения – вплоть до закрытия фабрики².

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.102, 2-е делопроизводство. Оп. 38 (1881 г.). Д. 589. Л. 31, 31об.

² ГАРФ. Ф.102, 2-е делопроизводство. Оп. 34, ч. 21. Л. 35,36,36 об.

Проект Валуева живо обсуждался в среде фабрикантов. Старшина московской биржи Найденов Н.А. отмечал, что, прописанная в проекте норма «не изнурять, занятиями не свойственными возрасту и силам» может давать место большому произволу. При существовании правила, содержащегося в этой статье, каждый несовершеннолетний, когда не пожелает продолжать работу, будет иметь полную возможность прекратить её под тем предлогом, что она ему не по силам, а определить силу весьма трудно. Поэтому взамен сказанного, должно быть прописано, что «хозяин не может возлагать на несовершеннолетнего занятий, не разрешенных установленными правилами, а равно требовать исполнения работ неусловленных». Предлагал поддержать мнение Московского мануфактурного совета о приеме на работу не с 12-ти, а с 11-ти лет и установить для 11-15-летних рабочих дневной рабочий день не 8, а 10 часов. Кроме того, взыскания на фабрикантов при нарушении закона должны быть налагаемы не за каждого несовершеннолетнего, как того требовал проект, а вообще от 1 до 25 руб. Его предложения не были приняты, как впрочем, и сам проект³.

Московский губернатор князь А.А. Ливен в своем всеподданнейшем отчете за 1871 г. указал, что существующее положение в губернии с детским трудом и образованием не может способствовать воспитанию здорового поколения. Для улучшения ситуации Ливен считал необходимым учреждения фабричной инспекции [4, с. 297, 306], надзирающей за работой детей на фабриках и в мастерских. При посещении фабрик инспектор должен был обращать особое внимание на следующее: какими работами занимались малолетние совместно с взрослыми? выдавалась ли заработная плата самому малолетнему рабочему или его родителям? проводили ли малолетние ночь вне фабрики и если проводили, то имелось ли наблюдение за их нравственностью вне фабричных помещений. Также предлагалось следить за тем, что-

³ ГА РФ. Ф.102, 2-е делопроизводство. Оп. 38 (1881 г.). Д. 589. Л. 35, 36, 42, 42 об.

бы дети посещали школу, церковь и исполняли христианские обязанности. Обо всех замеченных недостатках, «...которые грозят здоровью, нравственности или безопасности малолетних рабочих», надо доносить вышестоящему начальству. В случае нарушений фабрикантами закона инспектор имел право при участии чинов местной полиции, составлять протоколы, передавать их в суд¹.

В 1874 г. Владимирский губернатор обратился к местной губернской земской управе с предложением определить наибольшее количество часов работы на фабриках для несовершеннолетних и сделать обязательным для хозяев устройство при фабриках школ, в которых дети, работающие на фабриках, получали бы хотя бы начальное образование. Владимирское губернское земское собрание постановило ходатайствовать об утверждении в законодательном порядке следующих правил: детей до 14 летнего возраста в работу на фабриках не принимать, а от 14 до 17 летнего возраста рабочий день составлял бы 8 часов в сутки, с назначением рабочих часов днем. Хозяева фабрик и заводов с числом рабочих не менее 100 человек обязаны были бы иметь школы первоначального образования детей. Аналогично съезд земских врачей Тверской губернии составил проект обязательных правил, которое могло бы установить земство. Согласно проекту принимать на работу возможно было лишь при достижении подростком 15 летнего возраста и дневной рабочий день 15-18-летних составлял бы 8 часов, исключая ночную работу [9, с. 381, 382].

Более поздние исследования показали, что удельный вес детского труда достигал 29,38% всего числа московских рабочих. Малолетние рабочие начинали работать в раннем возрасте. Так, на стекольных заводах они начинали с 7-8 лет и работали одинаково с взрослыми по 17 часов в сутки. Широкое использование детского труда приносило фабрикантам большую прибыль только за счет экономии заработной платы. На Московском

заводе Гужона за одну и ту же работу дети и подростки получали в 3,3 раза меньше, чем взрослые мужчины, что составляло в год экономии свыше 20 000 руб. [5, с. 72, 73, 75, 77, 79]. Из вышеизложенного обзора деятельности различных комиссий видно, что все они признавали необходимость ограничения возраста и количества рабочих часов дневной и ночной работы для малолетних рабочих на фабриках и заводах и принятия мер для умственного и религиозно-нравственного образования малолетних рабочих.

В начале 1881 г. вновь в Министерстве финансов началась работа над проектом правил о регламентации детского труда. Вскоре он был написан. Проект предусматривал: 1) запрещение труда детей до 12 лет, но с предоставлением министру финансов права определять те предприятия, на которых может допускаться работа детей в возрасте от 10 до 12 лет; 2) для 12-14-летних устанавливалась 8-часовая дневная работа с запрещением ночной работы, а для 14-17-летних дневная работа ограничивалась 10, а ночная – 6 часами; 3) на фабрикантов возлагались обязанности обеспечить малолетним и подросткам возможность посещать школу не менее 2 часов в день; 5) учреждалась фабричная инспекция для надзора за выполнением закона. Ввести закон в действие предполагалось с 1 июля 1882 г. [7, с. 211, 212, 213]. При обсуждении проекта министр внутренних дел высказал свои замечания. В частности, он указывал, что количество инспекторов в каждой губернии следовало бы определить, исходя из общего числа промышленных заведений, с тем, чтобы на каждого инспектора приходилось в городах от 200-250 заведений, в уездах – не более 100-150. Для охраны несовершеннолетних рабочих от изнурительных, чрезмерных и непосильных работ было бы желательно предоставить инспектору право, когда по внешнему виду малолетний или подросток кажется ему слабым и нездоровым, потребовать освидетельствования его врачом для предъявления того, может ли он быть допущен к работам, а если он уже работает, то может ли быть ему разрешено даль-

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф.16. Оп. 228. Д. 250. Л.17-22 вкл. об.

нейшее её продолжение. Прописать в законе, что при определенном количестве рабочих на фабрике хозяин обязан устроить школу в течение трех месяцев. Сделать обязательным для хозяев производств ведение списка всех рабочих, не достигших 17-летнего возраста. В списке этом следовало записывать: имена рабочих, их возраст, место жительства, родителей, время определения в заведение и время увольнения¹.

Если министр предлагал развитие правовых норм, то буржуазия Центрального промышленного района заявила свой протест на проект. Московский биржевой комитет в записке на имя министра финансов особенно возражал против запрещения ночных работ для малолетних и установления 17-летнего предельного возраста для подростков. Московское отделение Совета торговли и мануфактур представило в финансовое ведомство заключение, в котором высказалось против обязанности владельцев предприятий открывать при фабриках школы для малолетних и нести при этом неизбежные расходы. В ходе обсуждения проекта в Соединенных департаментах Государственного совета в марте-апреле 1882 г. «москвичам» был сделан ряд уступок: 1) министру финансов предоставлялось право в течение двух лет со дня издания закона допускать на работу детей с 10 лет; 2) было отвергнуто деление несовершеннолетних на две возрастные группы (12-14 и 14-17 лет) и установлен единый разряд неполноправных рабочих от 12 до 15 лет с 8-часовым рабочим днем; 3) министр финансов получал право разрешать ночной труд для малолетних с условием освобождения их от дневной работы и должен был через два года также представить в Государственный совет свое окончательное заключение; 4) обязанности фабрикантов в деле образования малолетних были сведены лишь к такому распределению их работы, чтобы они имели возможность ежедневно находиться в школе в течение 3 часов. Новая редакция проекта была утверждена Александром III 1 июня

1882 г. Закон должен был получить силу с 1 мая 1883 г. По просьбе московских фабрикантов вступление закона в силу отсрочили до 1 мая 1884 г. [7, с. 213].

В итоге, согласно закону от 1 июня 1882 г. дети, не достигшие двенадцати лет от роду, к работам не допускались. Но в виде временной меры, в течение 2 лет, в случае надобности, к работам на заводах, фабриках и мануфактурах могли быть привлекаемы малолетние, которые имели не менее десяти лет от роду. Рабочий день 12-15-летних составлял 8 часов в сутки, и ночные смены были воспрещены, и все же 12-15-летних можно было привлекать к ночным работам не более 4 часов в сутки в тех промышленных заведениях, в которых она оказывалась необходимой. Надзор за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих возлагался на фабричную инспекцию [2]. Позднее был опубликован список фабрик и заводов, на которых допускались временные отступления от правил закона 1882 г. Таким образом, закон 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», впервые определил правовые нормы труда несовершеннолетних и положил начало фабричному (трудовому) законодательству в России. Акт 1 июня 1882 г. дал положительные результаты в течение нескольких лет после его принятия. Так, численность малолетних среди рабочих за 1882-1885 гг. в Московском фабричном округе сократилась с 9,5 до 3,2%, во Владимирском – с 10,8 до 3% [7, с. 215].

В 1884 и 1885 гг. были приняты законы о школьном обучении малолетних рабочих и о воспрещении ночной работы женщин и подростков. Закон от 24 апреля 1890 г. [3] фактически отменил регламентацию ночного труда подростков и женщин, установленных законами 1882 и 1885 гг., и тем самым существенно ухудшил права несовершеннолетних рабочих и женщин. И хотя закон 1890 г. явился последним законодательным актом по ограничению детского труда в Российской империи, данная проблема не теряла своей актуальности в последующие годы.

¹ ГАРФ. Ф.102, 2-е делопроизводство. Оп. 38 (1881 г.). Д. 589. Л. 62-66 вкл. об.

Так, например, Керчь-Еникальский градоначальник обратился в сентябре 1903 г. к министру внутренних дел Плеве В.К. с просьбой не допускать малолетних, имеющих менее 15 лет, к производствам, которые «... по своим свойствам, вредны для здоровья малолетних. К числу таких производств без сомнения должно быть отнесено и табачное». При протекции Плеве Главное по фабричным и горнозаводским делам Присутствие в заседании 25 ноября 1903 г. постановило: включить табачные и махорочные фабрики в список производств и отдельных операций, при которых, безусловно, воспрещена работа малолетних не достигших 15-летнего возраста¹. По закону разрешалось принимать на работу с 12 лет, тем не менее, на технически оснащенные предприятия подростков моложе 15 лет не брали. В правилах внутреннего распорядка для рабочих Товарищества московского металлического завода (завод Ю. Гужона – Ю.Б.) было запрещено принимать на работы подростков моложе 15 лет². Можно отметить, что принятые законодательные акты имели недостатки: допускалось отступление от правовых норм, их нечеткость, незначительность санкций за неисполнение законов. Однако, несмотря на упущения, эти

законодательные акты имели прогрессивный характер, позволивший в конце XIX века создать в России законодательство об охране труда малолетних, которое в целом не уступало законодательству европейских стран.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Проект правил для фабрик и заводов в Санкт-Петербурге и уезде. – СПб., 1860. – 170 с.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. третье. Т. II. № 931. – СПб., 1886.
3. ПСЗ. Собр. третье. Т. X. Отд. I. № 6742. – СПб., 1893.
4. Рабочее движение в России в 19 веке: сб. док. и материалов / под ред. А.М. Панкратовой. – М.: Госполитиздат, 1950. – Т. 2 : 1861-1884. Ч. 1: 1861-1874. - 697 с.
5. Ромашова В.И. Женский и детский труд в Московской промышленности // Некоторые вопросы истории Москвы и Московской губернии в XIX - XX вв.: ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, № 200. – М., 1964. – С. 72-79.
6. Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXV. – СПб.: Изд-во «Гранат», 1900. – 680 с.
7. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 398 с.
8. Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричных и ремесленных. Ч. 3. – СПб., 1864. – 568 с.
9. Федоров А. Фабричное законодательство цивилизованных государств о работе малолетних и женщин на фабриках. – СПб.: Тип. Г.Дюнтца, 1884. – 420 с.

¹ ГАРФ. Ф.102, 6-е делопроизводство. Оп. 1901. Д. 7. Л. 43,43 об., 44,44 об., 46, 55.

² ЦИАМ. Ф. 498. Оп. 1. Д.34. Л.105.

УДК 2–740

Козьякова Н.С.

Московский государственный областной университет

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КАНОНИЧЕСКОГО (ЦЕРКОВНОГО) ПРАВА

N. Kozyakova

Moscow State Regional University

THE LEGAL NATURE OF CANONICAL (CHURCH) LAW

Аннотация. Статья посвящена правовой природе канонического (церковного) права, которое повлияло на становление и развитие современных европейских правовых систем. Автор рассматривает вопросы генезиса и развития канонического права, которое возникло первоначально как право христианской церкви в целом. Особое внимание уделяется трудностям регулирования и ограничения участия государства в церковных делах, так как каноническое право является действующей нормативно-регулятивной системой в рамках Русской Православной Церкви – одной из влиятельнейших организаций нашего общества. Проводится разграничение отношения к нормам светского права и к нормам церковного права.

Ключевые слова: канон, христианская Церковь, Дигесты, Василики, Матфей Властарь, законодательство Российской Федерации.

Abstract. The article is concerned with legal nature of canonical (church) law which affected the formation and development of modern European legal systems. The author tackles the issues of genesis and development of canonical law which initially emerged as the law of Christian church. Special attention is paid to difficulties of regulation and restriction of state participation in church affairs. Different attitudes are formed to norms of secular law and ecclesiastic law.

Keywords: a canon, Christian Church, Digests, Basilikes, Matthew Vlastar, the legislation of the Russian Federation.

Христиане с самого начала испытывали неоднозначные чувства к определяющей роли закона в религиозной жизни. Иисус выражал серьёзное сомнение в законах Моисея как источнике духовного руководства и просвещения, но отрицал своё желание отменить эти законы [2, с. 985]. Двойственное отношение мы также можем проследить в посланиях апостола Павла. Некоторые послания Павла убедительно намекали, что закон в целом не был механизмом определения духовных целей верующих христиан, но в ином месте апостол обрисовывал законы Моисея как священные и необходимые для жизни в обществе [2, с. 1186, 1224, 1239]. Несмотря на сомнения его основателя и первых проповедников о месте и роли закона в жизни христиан, Церковь вскоре начала развивать свою собственную правовую систему, поскольку её иерархи обнаружили, что жизнеспособному социуму необходима не только доброжелательность и братская любовь. Ему также требовались некоторые нормы и законы, чтобы в ходе церковной деятельности не нарушался порядок, а также чтобы определять функции её служителей и регулировать взаимоотношения между её членами.

Сборник таких правовых норм для применения их церковными властями в христианском мире появился очень рано. Самым древним из сохранившихся руководств по церковному

праву является «Учение двенадцати апостолов», которое датируется концом I или началом II в. Эта не очень большая работа состоит из ряда высоконравственных заповедей, сопровождаемых предписаниями для проведения литургии, и небольшого числа нормативно-правовых актов управления церковью. «Учение двенадцати апостолов» также сопровождалось более доскональным объяснением базовых норм поведения в социуме в период зарождения христианского мира. Со II в. известна книга Ерма под названием «Пастыр», хотя по сути своей является скорее апокалипсисом, чем сводом законов. Книга состоит из пяти провидений или откровений, двенадцати норм поведения и десяти притч на эсхатологические темы. Учение под названием «*Traditio apostolica*», приписываемое Гипполиту, появилось в начале III в. Его автор притязал на то, что его книга передаёт настоящее учение апостолов, и предостерегает, что отклонение от данного древнего обычая или неписаного закона будет вести к ошибке учения и еретическим верованиям. Но содержание «*Traditio apostolica*» является литургическим и содержит актуальную информацию об организации и структуре Церкви III в. «*Didascalia apostolorum*» датируется серединой III в. и включает многое из содержащегося в «*Traditio apostolica*», но добавляет информацию о таких вопросах, как ответственность христианской общины за вдов и сирот, отношения евреев и христиан, постановление о посте и епитимье, а также о литургических вопросах.

Закон христианской церкви в течение первых трёх столетий её существования был направлен в основном на поддержание дисциплины среди верующих и сконцентрирован на внутренних делах религиозной корпорации. Поскольку преследуемым язычниками общинам было трудно открыто распоряжаться собственностью открыто, а также ждать поддержки от государственной власти в охране своих прав от посторонних, христианский закон в течение этих столетий уделял внимание таким внутренним вопросам, как порядок отправления религиозных культов,

отношения между членами общины, а также права и обязанности, возложенные на верующих. Правила, обусловленные этими проблемами, формулировались епископами и иными главами общин, и, возможно, представляли собой некоторый вид корпоративного согласия в отношении подходящих норм поведения.

Во времена правления Константина I как особая форма управления христианским миром возникают Вселенские церковные соборы, на которых для выработки общей политики одновременно присутствовало большинство епископов, а принятые в этих органах каноны и декреты вскоре стали главными источниками канонического права. Канон, слово греческого происхождения, которое в переводе с греческого означает «правило» или «образец», в течение первых пяти столетий определял нормы религиозной жизни членов первых христианских общин. Каноны регулировали такие вопросы церковной жизни, как структура литургического календаря, который руководил ежегодным циклом христианской жизни, установлением форм и церемоний для совершения Таинства Евхаристии, Крещения и иных литургических отпращиваний, предписывая детали соблюдения периода поста и празднования религиозных праздников, и предусматривал распределение благотворительных пожертвований вдовам и иным немущим членам общин. Прежде всего, первые каноны определили ключевые элементы главенствующего христианского учения и устанавливали границы между христианами и еретиками. Также каноническое право во времена первых столетий развития Церкви устремлялось перечислить полномочия и условия предоставления их епископам и иным клирикам, определить их полномочия и предусмотреть меры дисциплинарного воздействия, чтобы применить меры воздействия к тем, кто превышал свои полномочия или своим поведением не отвечал высоким требованиям, предъявляемым к представителям духовенства. Начиная с IV в., каноническое право стало учитывать статус мона-

хов и монахинь, так как монастырская жизнь стала отличительной чертой христианской религиозной жизни. Кроме того, после правления императора Константина, как только христианские общины стали крупными держателями собственности, каноны устанавливали нормы управления и использования имущества, относящегося к средствам существования Церкви.

Плешков Е.В. считает, что в IV в. преобразовывалась структура Церкви и закон стал подвержен изменениям в вопросах вероисповедания, которые продолжались более столетия. К концу IV в. христианская Церковь была сильно дифференцирована, и, следовательно, гораздо больше подвержена требованию соблюдения законов, чем это было прежде. Каноническое право появилось не только как актуальный элемент христианской религиозной жизни, но также как автономная правовая система, которая была дополняющей к правовой системе конца римского правления [6, с. 26]. Уже в современном понимании, церковное право – это действующая корпоративная правовая система, регулирующая конкретные, реально существующие отношения людей внутри особого религиозного социума – Церкви. «Церковь, реализуясь в мире, приносит свои собственные нормы, по которым учреждает и регулирует типически христианскую жизнь, отличную от всякой иной по своему устройству... Так возникает церковно-правовой порядок, который по своей решающей важности требует специального научного историко-теоретического рассмотрения, а для церковно-правовой жизни это будет церковным правом» [8, с. 94].

Заметим, что также существует понятие права, которое владеет определённым церковным авторитетом. Это определение первоначально содержалось в «Дигестах» императора Юстиниана. Своё отражение оно нашло и византийских законодательных сборниках «Василики» и «Прохирон», а также в каноническом сборнике Матфея Властаря «Алфавитная Синтагма». Сформулировано это понятие следующим образом: «Право

есть творчество в области благого и одинакового» [5, с. 4]. Протоиерей Владислав Цыпин считает, что «указанием на «одинаковое» право отмежевывается и от морали, которая, будучи творчеством в области добросердечного, не ограничена требованием равенства. Понятия равенства, справедливости, эквивалентности могут провести отчётливую границу между правом и моралью» [8, с. 5-7].

Возникшее в Древнем Риме представление о разделении права на природное и право, созданное в социуме, было воспринято в правовой теории эпохи феодализма и некоторыми юристами новой эпохи [5; 9]. Юридическая наука XVII в. знала более объёмные и содержательные, но также и односторонние определения права, дающие представления о праве в общем смысле. Например, философ права Гуго Гроций в своём труде «О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются природное право и право народов, а также принципы публичного права», большое внимание уделял идее справедливости, которую принимал за основу всего права: «Право является ничем иным, как то, что мы себе представляем, при этом предпочтительно в отрицательном, а не в утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости» [4, с. 68].

В теории права существует также материалистическая концепция, которая утверждает, что право – это явление, производное от государства, в полной мере определяемое его волей. Исходя из этого понимания, право является продуктом классовой борьбы и представляет собой выражение воли экономически правящего класса. Протоиерей В. Цыпин считает, что «в такой общественной системе за рамки права выводится обычное право народов, находящихся на догосударственной патриархальной стадии развития цивилизации, корпоративное право и право церковное. Но, бесспорно, данный подход к феномену права и политически предвзят, и теоретически узок» [8, с. 8]. С этим можно согласиться, если учитывать то обстоятельство, что каноническое право не зависит напрямую от государственного, за исключе-

нием тех сторон, где государство взаимодействует с Церковью как с общественной организацией, и обусловлено организационной формой, которое непосредственно соподчинено нормам гражданского и государственного законодательства.

Сегодня день остро стоит вопрос о том, как согласовать каноническое право с законодательством Российской Федерации, имеющим светский характер. Это момент актуальный, так как Церковь пытается инициировать процесс признания её актов, например церковного брака, наравне с актами гражданского законодательства. В данном случае встаёт очень трудный вопрос: каким образом государство может признавать влияние права Церкви на собственное законодательство? Реальных механизмов в российском законодательстве сегодня не существует. Значительная роль норм канонического права в жизни российского государства и социума предполагает необходимость полного комплексного изучения, в том числе и правового анализа их регулятивного потенциала, особое внимание уделяя тем моментам, где нормы канонического права соотносятся с нормами позитивного права [8, с. 36]. Ромашко А.В. считает, что в разные периоды развития правовых систем сфера правового по-разному соотносилась с духовной сферой [7, с. 214]. Если в традиционном, античном и средневековом социуме наблюдалось непосредственное воздействие религии на правовую систему, то в последующий период это воздействие становится опосредованным, исполняясь, в основном, через философско-

этические учения, оказывающие определённое воздействие на уровень правосознания в секуляризованных обществах нового и новейшего времени. Следствием развития секулярных тенденций стало формирование уникального феномена, который может быть обозначен как гражданская (светская) религия. Данное явление оказывает определённое воздействие на современное государственное право (в том числе и российское) и нуждается в более глубоком анализе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варьяс М.Ю. Церковное право как корпоративная система: опыт теоретико-правового исследования // Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 76-85.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 2005. – 1312 с.
3. Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2002. – 192 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
5. Медведев С.Н. Римское частное право: учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во Московского открытого социального ун-та, 1994. – 128 с.
6. Плешков Е.В. Каноническое право средневековой Европы: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – 192 с.
7. Ромашко А.В. Взаимодействие светского и сакрального начал в процессе формирования и развития правовых систем: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005. – 247 с.
8. Цыпин В.А. Курс церковного права. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 704 с.
9. Dictionary of the Middle Ages. Vol. 7. Italian Renaissance - Mabinogi. – N.Y.: Charles Scribner's sons, 1986. – 704 p.

РАЗДЕЛ II. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 347.513

Ганский М.А., Семькин В.В.

Московский государственный областной университет

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ УБЫТКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ КАК ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ РЕПУТАЦИОННОГО ВРЕДА ОРГАНИЗАЦИЙ

M. Gansky, V. Semykin

Moscow State Regional University

INTANGIBLE DAMAGES IN CIVIL LAW AS AN INSTITUTION OF REPUTATIONAL HARM RECOVERY

Аннотация. В статье раскрывается вопрос о проблемных аспектах терминологии и возможности компенсации нематериальных убытков юридического лица. Исследуется область нематериальной составляющей юридического лица, предлагаются основания выявления благ нематериального характера, подлежащих анализу и оценке с целью дальнейшего определения размера нематериальных убытков в случае причинения юридическому лицу репутационного вреда. Проводится сравнительная характеристика репутационного вреда, немущественного вреда и нематериальных убытков.

Ключевые слова: нематериальные убытки, немущественный вред, репутационный вред, немущественная составляющая, компенсация.

Abstract. The article deals with problematic aspects of terminology and possibility to compensate for intangible damages caused to legal entity. The authors study the non-material component of a legal entity and suggest bases for intangible benefits identification which should be further analyzed and evaluated as to the amount of non-material damages in case of causing harm to a juridical person's reputation. A comparative analysis of reputational harm, non-pecuniary damage and intangible losses is carried out.

Key words: intangible losses, non-pecuniary harm, harm to reputation, non-material component, compensation.

Институт возмещения убытков достаточно разработан советской и российской цивилистической наукой. Современное правовое регулирование института убытков ныне содержится во множестве нормативно-правовых актов, главным из которых является Гражданский кодекс РФ. Гражданским кодексом РФ под понятием «убытки» подразумеваются те отрицательные имущественные последствия, которые причинены в результате неправомерного деяния при условии наличия их причинно-следственной связи. Существенным является включение в понятие «убытки» и упущенной выгоды, пояснение о которой также присутствует в ст. 15 ГК РФ. Существенность эта проявляется в том, что она трактуется как

«неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)». Вдаваясь в более подробный анализ процитированной дефиниции, можно предположить о наличии недополученных доходов организации также и при причинении репутационного вреда организации. Логика такого предположения достаточно очевидна и наглядна при проведении анализа динамики экономического состояния организаций, подвергшихся распространению в отношении них информации, не соответствующей действительности и несущей в себе порочащие сведения. В данном случае все же следует утверждать о возможности потерь имущественного характера как следствии причинения нематериального вреда организации в виде вреда репутационного.

Цивилистическое учение о природе убытков претерпевает изменения, следуя отношениям, принятым некоторыми судами, как юридически значимым, то есть приравненным к статусу юридического факта. Речь идет о прецеденте, описанном в Постановлении Европейского суда по правам человека от 06.04.2000 г. по делу «Компания «Комингерсол С.А. «против Португалии» [7, с. 56-60]. В тексте Постановления указанного дела присутствует утверждение о невозможности исключения того, что коммерческой компании может быть присуждена компенсация за нематериальные убытки. Термин «нематериальные убытки» – результат перевода В.В. Старженецкого, который изначально не являлся официальным переводом, а значит, не нес в себе нагрузки правового термина. Однако, несмотря на это, такая терминология все же приобрела статус официальной в связи с упоминанием в Постановлении ФАС ВСО от 26 ноября 2003 г. № А33-2388/02-С2-Ф02-4046/03-С, а также в Определении Конституционного суда РФ (КС РФ) от 4 декабря 2003 г. № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152

Гражданского кодекса Российской Федерации». В абзаце 5 п. 2 указанного Определения КС РФ указывается, что «отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения».

Термин «нематериальные убытки» полноправно начал использоваться современной судебной системой при вынесении судебных постановлений, однако в это понятие разные суды вкладывают неодинаковый смысл. Разницу в понимании сути нематериальных убытков можно объяснить отсутствием легального пояснения, а значит, неизбежно присутствие вольной интерпретации. Постановление арбитражного суда кассационной инстанции Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30 августа 2006 г. № А29-9724/2005-3э отождествляет нематериальные убытки с убытками, разъясненными п. 2 ст.15 ГК РФ. При заявлении кассационной жалобы истец просит взыскать с Управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации по Республике Коми о признании незаконным бездействия судебных приставов-исполнителей, 1000000 рублей нематериальных убытков и 2000 рублей государственной пошлины. Суд, рассмотрев дело, пришел к выводу о том, что судебные приставы действовали в рамках закона. Поясняя возможность взыскания убытков, суд указывает, что требование о взыскании убытков может быть удовлетворено только при установлении в совокупности всех элементов деликтной ответственности. При этом, поясняя суть убытков, суд приводит ссылку на п.2 ст. 15 ГК РФ.

Прослеживается также и позиция, которая рассматривает нематериальные убытки

как полное подобие вреда морального, но применяемого в отношении юридических лиц (организаций). Постановление от 11 сентября 2008 г. № А40-32184/07-15-181 Федерального арбитражного суда Московского округа подтверждает такую позицию. При обжаловании решения Арбитражного суда города Москвы от 12 марта 2008 г. по делу № А40-32184/07-15-181 и постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2008 г. № 09 АП-5377/2008-ГК в Федеральном суде Московского округа заявитель просит опровергнуть не соответствующие действительности сведения и взыскать в качестве компенсации нематериальных убытков, причиненных умалением деловой репутации, денежную сумму в размере 5000000 рублей. Суд, отменяя решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда, ссылается на статью 1101 ГК РФ, регламентирующую форму и критерии определения размера морального вреда, и далее указывает: «При новом рассмотрении суду первой инстанции необходимо установить размер компенсации нематериального ущерба исходя из смысла пункта 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации». Приведенный пример свидетельствует о тождестве, с точки зрения суда, понятий «нематериальные убытки», «моральный вред», «нематериальный ущерб».

В некоторых судебных постановлениях можно заметить позицию, выделяющую понятие «нематериальные убытки» в отдельную правовую категорию, совершенно отличную от морального, нематериального, неимущественного, репутационного вреда, а также от непосредственно убытков. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 22 января 2007 г., дело № Ф09-12038/06-С6, подтверждает такое позиционирование нематериальных убытков. В мотивировочной части постановления поясняется отказ компенсации морального вреда ОАО «Южноуральский арматурно-изоляционный завод» за распространение в отношении него сведений, порочащих деловую репутацию: «Отказывая в удовлет-

ворении требований общества о взыскании морального вреда, суд апелляционной инстанции правомерно исходил из того, что возможность возмещения такого вреда возникает в случае, если субъект способен претерпеть нравственные или физические страдания. Учитывая, что с иском о возмещении морального вреда обратилось юридическое лицо, которое не может испытывать таких страданий, суд обоснованно признал такие требования не подлежащими удовлетворению. Между тем истец не лишен права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, предоставив соответствующие доказательства причинения такого вреда». Приведенная аргументация Федерального арбитражного суда Уральского округа отделяет вред моральный от убытков, нематериальных убытков путем их противопоставления, что может трактоваться довольно однозначно, без приведения каких-либо других вариаций относительно правовой природы нематериальных убытков.

Рассмотрение изложенных примеров свидетельствует о неоднозначной трактовке такого понятия, как «нематериальные убытки», требует его более детального осмысления и правовой обоснованности. Слово «убыток» происходит из древнеславянского языка и означает «быть, бытие». Обозначение уменьшения чего-либо достигалось приставкой «у» - «уменьшать, убывать, убыток». Об убытках и ущербе в гражданском праве писали многие цивилисты. Их исследования порой отражают разные точки зрения на правовую природу ущерба и убытков. Так О.С. Иоффе считал, что правонарушитель причиняет не ущерб, а именно убытки, которые иногда могут быть также и формой причиненного им ущерба [5, с. 203-204]. М.М. Агарков полагал, что эти понятия одинаковы по объему, но отражают только разные экономические признаки потерь: убытки – это денежный эквивалент потерь, а ущерб – натуральный, т. е. потери в том имуществе, которому причинен вред [1, с. 114-115]. В.В.

Овсиенко высказывался, что любые отрицательные экономические последствия неисполнения хозяйственного обязательства могут быть выражены в денежной оценке, которую и следует называть убытками [8, с. 246]. В.А. Хохлов отмечал, что убытки как объективно существующие отрицательные изменения в имущественной сфере пострадавшего кредитора не возмещаемы, и в силу этого задача юрисдикционного органа состоит в отыскании достаточного и объяснимого с точки зрения законодательства их денежного эквивалента [11, с. 220]. Иоффе О.С. определяет убытки как последствия, вызываемые неправомерным поведением [5, с. 203-204]. Таким образом, он в виде убытков рассматривает любое отрицательное последствие в гражданских правоотношениях от совершенно любого противоправного деяния. А это может означать, что убытки наступают при совершении любого правонарушения в гражданском праве. Высказанная В.А. Хохловым позиция, на наш взгляд, достаточно близко подходит к позиции О.С. Иоффе в том отношении, что Хохлов указывает на невозмещаемость объективно наступивших отрицательных изменений (хотя и в имущественной) сфере пострадавшего кредитора, и поэтому наступает необходимость отыскания их денежного эквивалента.

Продолжая логический ряд рассматриваемого вопроса об убытках, обратимся к пониманию нематериального убытка коммерческого юридического лица. Согласно ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Основной целью деятельности коммерческих юридических лиц (коммерческих организаций) является извлечение прибыли. Нематериальными убытками можно считать такие негативные последствия, наступившие

в результате неправомерного действия в отношении этого юридического лица, которые привели к глубоким нарушениям организационной деятельности, длительному состоянию неуверенности, моральному вреду, неопределенности в планировании решений, препятствию в управлении, умалению деловой репутации и др. [3, с. 12]. Рапинский С. добавляет к этому списку [10, с. 7]: нарушение личных прав юридического лица, заключающееся в посягательстве на фирменное наименование, товарный знак, дискредитации, разглашении коммерческой тайны и т. п., если эти нарушения привели или могут привести к убыткам, имеющим материальное выражение; увольнение работников (текучесть кадров); разрушение устойчивых деловых связей.

Коммерческая организация на современном этапе развития конкуренции – это четко слаженная система взаимодействия органов управления этой организации с работниками, внешними контрагентами, государственными органами, направленная в конечном итоге на достижение высокого уровня управления деятельностью, позволяющей удержаться в пределах достаточной прибыльности. Поэтому нарушение любого из указанных выше факторов или их совокупности неизменно приводит к убыткам имущественного характера в виде как прямых потерь, так и упущенной выгоды (что четко вписывается в понимание ст. 15 ГК РФ). Так, истцом – ОАО «Альфа-Банк» в Арбитражный суд г. Москвы подан иск о защите деловой репутации, пресечении действий ответчика – ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом». Основанием для его подачи явилась публикация 7 июля 2004 г. в газете «Коммерсантъ» № 121 редакционной статьи под заголовком «Банковский кризис вышел на улицу. Системообразующие банки столкнулись с клиентами». В публикации утверждалось в целом о неплатежеспособности банка, что повлекло за собой повышенный отток денежных средств вкладчиков и временное приостановление выдачи кредитов. Деловая репутация банка была нарушена, «кредит до-

верия» уменьшен. Результатом опубликования не соответствующей действительности информации порочащего характера стало умаление деловой репутации и, как следствие, причинение убытков. Взыскание убытков, причиненных неполучением процентного дохода по кредитам в сумме 2398829,80 руб. и проведением внеплановой рекламной кампании в сумме 8496327,37 руб., по мнению апелляционного суда, произведено обоснованно, поскольку основания их взыскания истцом доказаны представленными по делу доказательствами [9, с. 9].

Представленные доводы свидетельствуют о том, что в результате нарушения такого нематериального блага как «деловая репутация» юридического лица наступили убытки, поддающиеся относительно точному исчислению. Тесная взаимосвязь убытков имущественного характера от последствий наступления нематериальных убытков юридического лица доказывает их причинно-следственную связь, юридическое следование одного от другого, противопоставляя и утверждая их разную правовую природу, спаянную в единый правовой результат. По выявлении некоторых различий имущественных убытков от убытков нематериальных, закономерно возникает вопрос о необходимости компенсации нематериальных убытков, вне зависимости от причиненного имущественного вреда коммерческой организации. При этом могут присутствовать несколько позиций, утверждающих совершенно различные точки зрения по этому поводу. Так, одно из возможных утверждений, что компенсировать нематериальные убытки отдельно от убытков имущественных нельзя по нескольким причинам. Во-первых, определить объективно точный размер компенсации нематериальных убытков невозможно. Во-вторых, их неразрывная причинно-следственная связь уже определяет величину имущественных потерь, поэтому размер компенсации нематериальных убытков уже включён в исчисленные имущественные потери. В-третьих, юридическое лицо лишено каких-либо органов чувств, а

потому «осмысливать» происходящее как вред не может.

Такая позиция, возможно и имеет право на существование, однако она мало согласуется с доктриной обязательности полного возмещения причинения вреда, согласно ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации. Наличие нематериальных убытков (а они, как было указано ранее, являются составляющей вреда) требует компенсации, но с учётом их неимущественной природы. По этой причине считаем, что развитие института компенсации нематериальных убытков юридических лиц перспективно и имеет под собой все основания полноценного правового регулирования указанной сферы. Правовое регулирование отношений, связанных с компенсацией нематериальных убытков, в цивилистике разработано не в достаточной мере по причине их недавнего летоисчисления. Проблемы такой компенсации довольно-таки многогранны. Отсутствие терминологической неопределённости является одной из первых проблем института компенсации нематериальных убытков. Так, по мнению Гаврилова Е., убытки в рамках отечественного гражданского права нематериальными быть не могут и термин «нематериальный вред», представляется более обоснованным в современных условиях развития российской рыночной экономики [3, с.14].

Относительно возможности юридических лиц требовать компенсацию морального вреда за нарушение их деловой репутации существуют различные точки зрения. Так, по мнению Н.В. Козловой, юридическое лицо может иметь права, связанные с обладанием нематериальными благами, указанными в статье 150 ГК РФ, в том числе право на защиту деловой репутации и право на компенсацию морального вреда [6, с. 29]. В.В. Витрянский, придерживаясь противоположного мнения, прямо указал: выводы, сделанные по смыслу статьи 152 ГК РФ, из которых следует, что якобы существует ответственность за моральный вред, причиненный юридическому лицу, являются недоразумением [2, с. 626]. В специальных нормах, посвященных

ответственности за причиненный вред (глава 59 ГК РФ), нет даже упоминания о возмещении вреда деловой репутации юридического лица. Это несомненно свидетельствует об отрицании Гражданским кодексом такой ответственности, так как по правилу специальные нормы имеют предпочтение перед общими. По мнению К.И. Скловского, компенсация за моральный вред взыскивается лишь в случаях, прямо указанных в законе. Закон предусматривает только возможность взыскания в случае причинения вреда личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица.

Отсутствие норм, позволяющих взыскивать компенсацию за вред, причиненный деловой репутации юридического лица, не может быть восполнено применением каких-либо норм по аналогии, так как умолчание законодателя в данном случае намеренно: имущественная ответственность за нематериальный вред деловой репутации юридического лица путем умолчания выведена из сферы деликтной ответственности; следовательно, пробела в законодательстве нет [9, с. 37]. Кроме проблем терминологического характера, существует и неопределенность видового перечня вреда, который можно признать нематериальным относительно такого субъекта гражданского права, как юридическое лицо, хотя бы по причине отсутствия устоявшихся признаков такого вреда. Несомненно, одной из основных задач теоретического и практического значения, стоящих перед учеными, будет являться создание научного обоснования определения объективного размера компенсации нематериальных убытков, причиненных организации неправомерными действиями третьих лиц, а так-

же лицами при осуществлении внутрихозяйственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. Сб. I / под ред. М.М. Агаркова. – М.: Изд-во АН СССР, 1945. – 116 с.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. первая. Общие положения. – М.: Статут, 2001. – 848 с.
3. Гаврилов Е. Могут ли убытки быть нематериальными? // ЭЖ-Юрист: российская правовая газета. – 2010. – № 42.
4. Девятый арбитражный апелляционный суд, дело N 09АП-6183/04-ГК. Постановление от 31 декабря 2004 г. / Европейская правовая компания [сайт]. URL: <http://www.eurolawco.ru/publ/m95.html> (дата обращения 04.11.2012).
5. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. – 311 с.
6. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. – М.: Статут, 2005. – 476 с.
7. Нешатаева Т.Н., Старженецкий В.В. Возмещение нематериального ущерба в пользу юридического лица в деле компании «Коминггерсоль» против Португалии // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2001. – № 2. – С. 56-60.
8. Овсиенко В.В. Проблемы возмещения убытков в хозяйственном праве: дис. ... докт. юрид. наук. – Донецк: Институт экономики промышленности, 1971. – 246 с.
9. Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ. – М.: Статут, 2006. – 270 с.
10. Рипинский С. Ответственность государства: рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики // Конституционное Право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 4 (41). – С. 142-146.
11. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: дис. ... докт. юрид. наук. – Самара, 1998. – 220 с.

РАЗДЕЛ III. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.915

Коновалова И.А.

Московский государственный областной университет

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

I. Konovalova

Moscow State Regional University

THE ROLE OF PUBLIC POLICY IN PREVENTING JUVENILE CRIME

Аннотация. В статье описываются способы разработки и возможности реализации государственной политики предупреждения преступности, деятельности государственных и негосударственных органов по формированию и реализации основных задач, принципов, направлений и средств предупреждения преступности несовершеннолетних. Описывается содержание основных способов активизации деятельности и взаимодействия государственных органов по предупреждению преступности несовершеннолетних, необходимость выявления «трудных» подростков для применения профилактических мер.

Ключевые слова: государственная политика в области предупреждения преступности несовершеннолетних, деятельность государственных и негосударственных органов по предупреждению преступности несовершеннолетних, преступность несовершеннолетних, социальная реабилитация, выявление и постановка на учет асоциальных несовершеннолетних.

Abstract. This article describes how to develop and implement public policy opportunities for crime prevention. It also considers the activity of public and non-public bodies to shape and implement the key objectives, principles, directions and means of preventing juvenile crime. The author suggests enhancing the activity and interaction of state bodies to prevent juvenile delinquency and stresses the need of identifying «difficult» teenagers to apply preventive measures.

Key words: public policy in juvenile delinquency prevention, activities of public and non-public bodies in juvenile crime prevention, juvenile delinquency, social rehabilitation, identification and registration of anti-social juveniles.

Неоспоримая важность социального явления, именуемого преступностью, и особенно сложность и многофакторность причинного комплекса, обуславливающего это явление, требует серьезной методической подготовки при разработке и реализации государственной

политики предупреждения преступности вообще и ее неотъемлемой составной части – преступности несовершеннолетних в частности. Первое, что необходимо для грамотной разработки комплекса мер, охватываемых термином «государственная политика» и воздействующих на преступность несовершеннолетних, это их дифференцирование с учетом таких факторов, как возраст, место жительства, демографические особенности, социально-экономическая и криминологическая ситуация в регионе. Кроме того, необходимо определить набор конкретных действующих причин и условий, порождающих преступность несовершеннолетних, меняющих ее уровень и структуру.

В целом преступность несовершеннолетних носит социальный характер [2, с. 145]. Поэтому объектом профилактического воздействия должны стать основные, наиболее значимые в социальном отношении, сферы жизнедеятельности несовершеннолетних: семья, учеба, досуг, трудоустройство, трудовая занятость, здоровье, психологические склонности к конкретному поведению в экстремальных ситуациях, формирование у несовершеннолетних ценностных ориентаций. Таким образом, разработка государственной политики должна строиться исключительно исходя из этих компонентов, активно взаимодействуя с иными ее направлениями: в сферах экономики, демографии и др. Суть государственной политики в области предупреждения подростковой преступности заключается в деятельности государственных и негосударственных органов по формированию и реализации основных задач, принципов, направлений и средств предупреждения преступности несовершеннолетних. Ее целью является защита общества в целом, человека в частности и государства от преступных посягательств.

В общем виде государственная политика в области предупреждения преступности отражена в Концепции национальной безопасности России, в соответствии с которой приоритетное значение имеет формирование системы мер действенной социальной

профилактики и воспитания законопослушных граждан (полноценное кадровое обеспечение служб защиты интересов несовершеннолетних; введение правового образования в школах; комплексное противодействие наркомании и алкоголизму и др.). Эти меры «должны быть направлены на защиту прав и свобод, нравственности, здоровья и собственности каждого человека независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств» [7]. Поэтому основными задачами в области борьбы с преступностью несовершеннолетних являются: 1) выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность; 2) усиление роли государства как гаранта безопасности личности и общества, создание необходимой для этого правовой базы и механизма ее применения; 3) укрепление системы правоохранительных органов, создание условий для их эффективной деятельности; 4) привлечение государственных органов в пределах их компетенции к деятельности по предупреждению противоправных деяний; 5) расширение взаимовыгодного международного сотрудничества в правоохранительной сфере, в первую очередь с государствами-участниками Содружества Независимых Государств [7]. Однако Концепция национальной безопасности России носит преимущественно декларативный характер и в практической деятельности малоэффективна. Указанная Концепция формирует проблемы, но не способы их решения, ставит общие цели и задачи, но не определяет, как их достичь. Она была бы более эффективна, если была бы более конкретизирована, например, конкретную задачу ставила бы перед конкретными органами и определяла хотя бы направления ее решения.

На данный момент более значимой в практическом плане является система нормативных правовых актов, регламентирующая сферу предупреждения подростковой

преступности и определяющая совокупность конкретных правовых профилактических мер. Среди последних особо выделяется Федеральный закон 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [15], который, во-первых, определяет круг органов государственной власти, которые осуществляют профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, во-вторых, их компетенцию и взаимодействие друг с другом. Кроме того, профилактика преступлений несовершеннолетних предполагает наличие у должностных лиц, осуществляющих эту функцию, глубоких знаний об особенностях психики несовершеннолетних, о генезисе их противоправного поведения [1, с. 145]. В то же время многие сферы не включены в компетенцию ни одного органа власти. Например, правовая неурегулированность отношений государственных органов и общественных организаций, призванных осуществлять профилактическую деятельность среди подростков и молодежи, в настоящее время приводит к тому, что каждый из них, оценивая в первую очередь свою работу как удовлетворительную, пытается переложить ответственность за общие упущения на представителей других ведомств. Например, бесконтрольность и безнадзорность подростков вне школы учителя и полиция относят каждый к компетенции своих оппонентов. Многие педагоги считают, что работа с «трудными» является уделом работы инспектора по делам несовершеннолетних; работники же полиции считают, что эта категория подростков не регламентирована нормативными актами органов внутренних дел, поэтому не входит в сферу их интересов [5, с. 12]. Фактически наблюдается следующая ситуация: пока подросток не совершил какого-либо противоправного деяния, он предоставлен сам себе. Таким образом, на этом примере очевидна необходимость комплексного подхода к устранению условий, детерминирующих противоправное поведение несовершеннолетних как необходимого

составляющего государственной политики.

В целом государственную политику в области профилактики подростковой преступности необходимо строить в соответствии с основными факторами (т. е. семья, школа, досуг и т. д.) жизни подростка. Несовершеннолетие – один из самых сложных периодов развития личности. Несмотря на относительную кратковременность, этот период практически определяет дальнейшую судьбу каждого человека, поскольку в подростковом возрасте преимущественно происходит формирование характера и становление личности при активном влиянии социальной среды, ближайшего окружения и общества в целом. Поэтому, в первую очередь, государственная политика должна направить максимальные средства на поддержку семьи. Как показывает практика, все негативные моменты начинаются с семейного воспитания. Как правило, родители подростков не интересуются школьными достижениями своих детей, не посещают родительские собрания, не вступают в контакт с учителями и классными руководителями до тех пор, пока не получают официального вызова в школу, не контролируют времяпрепровождения своих детей вне школы. Такие дети очень остро чувствуют отсутствие родительской заботы и опеки, даже свою ненужность в семье, в конечном итоге привыкают к бесконтрольности и безнаказанности со стороны родителей и теряют интерес к учебе, а подчас и к жизни [11]. В связи с этим необходимо проводить превентивные меры с родителями по месту работы, службы, в различных органах социального обеспечения. Данную функцию следует возложить на общественные объединения, работающие в этой области.

Несомненно, что к тяжелым последствиям недостатков семейного воспитания относятся преступность, алкоголизм, наркомания и другие патологические явления, источником которых в большинстве случаев стали обстоятельства, сложившиеся в семье ребенка [17, с. 212]. Вклад таких семей в преступность несовершеннолетних, по некоторым под-

счета, составляет 30-35% [4, с. 296]. Федеральный закон 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» впервые свел воедино все категории семей, где возникали определенные сложности в условиях воспитания детей. Законодатель рассматривает в качестве источника социально опасного положения семьи не только состояние субъектов, «авторов» воспитания – родителей, но и состояние объекта, на который направлена деятельность субъекта – детей. Однако практическая сторона применения данного нормативного акта показывает недостаточную его проработанность, не обеспеченность подзаконными актами и материальными средствами. В частности, по статистике МВД РФ, количество родителей, отрицательно влияющих на детей и состоящих на учете, в 2,4 раза меньше, чем состоящих на учете подростков [8]. Причина заключается в низкой выявляемости семей с неудовлетворительным воспитанием детей. И решение данной проблемы должно строиться с самых ранних этапов воспитания ребенка. Первым сигналом должны быть воспитатели детских садов и учителя начальных классов, т. к. при своевременном поступлении от них информации об асоциальном поведении ребенка в органы опеки и попечительства возможно применение мер к родителям и самому несовершеннолетнему с высокой вероятностью их положительного эффекта. В противном случае несовершеннолетний ставится на учет как оказавшийся в социально опасном положении. Даже при постановке на учет таких семей, как правило, после достижения подростком 18-летнего возраста, их с учета снимают. Однако для предупреждения преступности – это мера преждевременная, так как такой подросток не имеет еще полноценно устоявшихся жизненных принципов, он только начинает трудоустраиваться, его материальные возможности низки, а зачастую он еще и учится. И психологическая зависимость от окружающих его лиц все еще высока, что может оказать значительное воздействие на его по-

ведение. Поэтому необходимо обеспечить контроль за «трудными» подростками, достигшими совершеннолетия, в последующие несколько лет, а также обеспечить консультативную и психологическую помощь в этот период, что также возможно осуществлять через общественные объединения.

Как уже отмечалось, воздействие на личность несовершеннолетнего широкой социальной среды, институтов общества в целом существенно опосредуется ею, и поэтому государственная политика в области профилактики подростковой преступности должна учитывать образовательные учреждения. Влияние микросреды дополняет воздействие воспитательно-образовательных учреждений (школы, колледжа, техникума и др.), длительные и непосредственные контакты с которыми поддерживает (или поддерживал) практически каждый несовершеннолетний [12]. Однако сама по себе среда образовательных учреждений играет скорее положительную роль в профилактике подростковой преступности. Вместе с тем нельзя не отметить сложившееся в последнее десятилетие положение, когда преподаватели подходят к обучению несовершеннолетних только формально, а в выявленных случаях склонности подростка к правонарушению, как правило, не имеют возможности повлиять на него. В связи с таким положением необходимо на федеральном уровне закрепить за исполнительными органами регионов обязанность выработать определенный алгоритм действий в подобных ситуациях с периодическим его пересмотром. Например, он может быть следующим: 1) сопровождение учителем подростка к психологу, выявление проблемы; 2) уведомление школьной администрации социальных органов; 3) постановка на контроль подростка в органах социальной защиты в качестве находящегося в социально опасном положении и осуществление в отношении него и его семьи материальной, медицинской и психологической помощи; 4) надзор за его поведением со стороны указанных органов, а также со стороны органов внутренних дел (полиция, участковый); 5)

помощь в трудоустройстве; 6) организация досуга; 7) индивидуальная помощь педагогов в учебном заведении. Кроме того, необходимо ввести в образовательных учреждениях обязательный предмет по праву, который бы повышал правовой уровень несовершеннолетних, их правосознание, обеспечивал бы правильное понимание человеческих ценностей, правила общежития и установленные законом правила. На сегодняшний момент в некоторых образовательных учреждениях введено правовое образование учеников, что способствует профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними [13]. Кроме того, практические уроки в области права помогут определить психологическую склонность к тому или иному поведению подростка, а также способы взаимодействия с ним.

Субъективно более значимой сферой для несовершеннолетних преступников является досуговая, и, соответственно, связанная с ней деятельность, которая оказывает более существенное формирующее воздействие на личность (в связи с высокой значимостью досуга для подростков он должен быть направлением государственной политики). Свободного времени у несовершеннолетних преступников больше, чем у их законопослушных сверстников. По мере увеличения свободного времени интересы несовершеннолетних деформируются и приобретают негативный, противоречащий закону оттенок. Чем больше свободного времени у несовершеннолетнего, тем выше вероятность совершения им правонарушений и преступлений. При этом определенное воздействие оказывают особенности инфраструктуры крупного города: значительное количество увеселительных заведений, мест проведения отдыха и др. Содержательная характеристика свободного времени отличает несовершеннолетних, совершивших впоследствии преступления, от других сверстников: предпочтение отдается праздности. Характерной является неразвитость интересов, реализуемых в сфере досуга [12]. Такая ситуация складывается в связи с тем, что многие клу-

бы по организации детского досуга стали платными и их общее количество сократилось. Поэтому в указанной сфере в целях профилактики подростковой преступности государственная политика должна строиться по следующим направлениям: предоставление налоговых и иных льгот для организаций, занимающихся подростковым досугом; организация клубов досуга для несовершеннолетних, оказавшихся в социально опасном положении; выявление сфер досуга, наиболее интересных для различных контингентов несовершеннолетних.

Трудоустройство и трудовая занятость подростков, особенно оказавшихся в социально опасном положении, является особенно проблемным вопросом в общественной жизни и направлением государственной политики по профилактике подростковой преступности. Самостоятельно устроиться подростку на работу, особенно если он учится, достаточно сложно. Тем более, что работодатели предпочитают брать на работу совершеннолетних граждан, дабы избежать лишних проблем. Либо такая работа низкоквалифицирована, тяжела и низкооплачиваема. Существует практика социальных служб по трудоустройству молодежи, но она преимущественно направлена на трудоустройство несовершеннолетних преступников. Например, в Ленинградской области действует программа «Профилактика правонарушений в Ленинградской области на 2009-2012 годы», в целях реализации которой созданы специализированные рабочие места для подростков, совершивших преступления [13]. В последнее время создаются центры социальной реабилитации для детей и подростков, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, которые занимаются в том числе и вопросами трудоустройства, но их количество не обеспечивает полноценное решение вопроса. В последнее время многие субъекты РФ выделяют средства на создание рабочих мест для подростков, однако, их недостаточно. Кроме того, указанную проблему необходимо решать не только за счет прямого финансирования на создание рабочих мест, но

и за счет предоставления различных льгот предприятиям, которые трудоустраивают несовершеннолетних, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, а также судимых подростков. Указанная мера может быть более эффективна, чем прямое финансирование. В настоящее время в России отсутствует целостная комплексная служба социальной реабилитации подростков с девиантным поведением. Реабилитационные мероприятия проводятся бессистемно, различными ведомствами без взаимного согласования, налицо так называемый «вневедомственный ребенок». Обеспечить в существующих условиях максимальную эффективность социальной реабилитации можно с помощью организации системы центров социальной помощи семье и детям [7].

Одной из причин совершения несовершеннолетними правонарушений является их заболеваемость алкоголизмом и наркоманией, которые провоцируют подростка на добычу материальных средств на алкоголь и наркотики. Поэтому борьба с указанными заболеваниями напрямую связана с профилактикой подростковой преступности. Кроме того, не стоит забывать о психическом здоровье подростков, так как девиантное поведение зачастую напрямую связано с нарушениями психики. На здоровье несовершеннолетних в последние годы было направлено особое внимание. Акцентируется оно и в Федеральной целевой программе «Дети России» на 2011-2013 г. Отмечается, что «одной из причин ухудшения здоровья детей является недостаточная эффективность профилактических и коррекционных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья детей и подростков. Социальная значимость проблем, связанных с состоянием здоровья детей в России, обуславливает необходимость их решения при активной государственной поддержке с использованием программно-целевого метода» [9]. Для этого предусматривается строительство и реконструкция медицинских учреждений, разработка новых технологий по диагностике и лечению заболеваний несовершеннолетних,

технологий совершенствования оказания медицинской помощи подросткам. В то же время остается неразрешенным вопрос финансирования необходимых медицинских мероприятий несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении. Необходимо для решения данной проблемы на региональном и местном уровнях принять программы финансирования медицинской помощи подросткам, признанным находящимися в социально опасном положении.

В рамках государственной политики по профилактике подростковой преступности борьба с распространением наркомании и алкоголизма крайне актуальна, т. к. количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии наркотического или алкогольного опьянения (или для достижения такого состояния как мотив преступления) возрастает [18]. Поэтому наркомания и алкоголизм являются предпосылками совершения преступлений. Однако принудительное лечение этих болезней законом запрещено, за исключением лиц некоторых категорий (например, осужденных), что по отношению к несовершеннолетним недопустимо. Необходимо на федеральном уровне разрешить к ним применение медицинских мер, направленных на выздоровление подростков, с согласия органов опеки и попечительства. Но на данный момент лечение подростков с выявленными заболеваниями алкоголизм и наркомания не осуществляется. Именно в этом заключается сложность ситуации, и данная проблема становится все более актуальной. Реальных способов борьбы с наркоманией и алкоголизмом практически нет, т. к. многие стандартные методы неприменимы в связи с тем, что употребление опьяняющих и одурманивающих веществ изменяет личность – выделяется явное равнодушие к труду, учебе, безразличие к близким [3]. Поэтому единственно реальным способом противодействия этим негативным явлениям служит строгий контроль за заболевшими, за употреблением ими наркотиков и алкоголя. Такой контроль может быть осуществлен органами внутренних дел и ко-

миссиями по делам несовершеннолетних путем установления их обязанности по явке в наркологический диспансер хотя бы раз-два в неделю на осмотр, ограничение территории свободного их передвижения, установление обязанности в определенное время находиться дома и т. п. Для несовершеннолетних действенными профилактическими мерами наркомании также являлись бы их перемещения в другой регион, город, местность для пресечения контактов с поставщиками, например к родственникам. При невозможности применения такой меры необходимо устанавливать жесткий дневной график местонахождения несовершеннолетнего, о котором говорилось выше, т. к. при установленном распорядке дня инспекторам легче контролировать перемещение подростка, а при несоблюдении – применять определенные санкции: задержание, помещение в стационар и т. п.

В целом же государственная политика в области профилактики подростковой преступности развивается. Об этом свидетельствует принятие различных нормативных актов, реализация таких Федеральных целевых программ, как «Дети России», «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями», «Молодежь России», «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2010-2014 годы» и другие. Однако указанные программы направлены, прежде всего, на контингент выявленных несовершеннолетних, находящихся в социально опасном состоянии. В этом заключается их основная недоработка. Наравне с указанным направлением государственная политика должна быть направлена на активное выявление «трудных» подростков для применения профилактических мер. Поэтому необходимо включить соответствующие обязанности по выявлению и постановке на учет таких несовершеннолетних в компетенцию различных государственных органов, которыми могут быть не только органы МВД, но и службы социальной защиты, частные реабилитационные центры, медицинские учреждения, образовательные

учреждения и другие. А также для полной картины нынешней ситуации относительно количества таких подростков необходимо создать единую базу, а ответственность за ее ведение возложить совместно на Федеральную службу государственной статистики РФ и Министерство здравоохранения и социального развития РФ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анапреенко Я.Г. Экспресс-диагностика акцентуаций характера у подростков-правонарушителей // Гуманитарно-экономический вестник [МГЭИ, Минск]. – 2000. – № 1.
2. Дубаева Е.Е. Взгляды А. Кетле на роль статистических методов в изучении общества // Социология. – 2001. – № 13. – С. 145-162
3. Елисеева Н. Будет ли нация здорова // Первый Московской государственной медицинский университет им. И.М. Сеченова [сайт]. URL: <http://www.mma.ru/article/id19004?print=1,05.10.2006> (дата обращения 04.11.2012).
4. Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. – М.: Юридическая литература, 1989. – 356 с.
5. Каневский Л.Л. Актуальные проблемы совершенствования ранней профилактики преступности и иных правонарушений несовершеннолетних // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 151-159.
6. Клушина Н.П., Клищ С.С. Модель деятельности территориального центра социальной помощи семье и детям по социальной реабилитации подростков с девиантным поведением // Вестник СевКавГТУ. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 6. – 2001. – С. 39-44.
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17.12.1997 № 1300) (ред. от 10.01.2000) // СЗ РФ. – 1997. – № 52. – Ст. 5909.
8. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 103-113.
9. Панкратов В.В., Цымбал Е.И. Государственная политика предупреждения преступности несовершеннолетних: общие принципы и региональная специфика // О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России: проблемы и пути их законодательного решения / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1998. № 16 (83).
10. Постановление Правительства РФ от 21.03.2007 № 172 (ред. от 11.08.2007) «О Федеральной целевой программе «Дети России» на 2011-2014 годы» // СЗ РФ. – 2007. – № 14. – Ст. 1688.

11. Савельев А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности несовершеннолетних в крупных городах Сибири: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – 16 с.
12. Статычнюк И. Человека создает сопротивление его окружающей среде // Учительская газета. – 2001 (№ 40). – 25 сентября.
13. Трудоустройство несовершеннолетних преступников как профилактика правонарушений / AllNW.ru: единый портал Северо-Запада России [сайт]. URL: <http://allnw.ru/news/5699> (дата обращения 04.11.2012).
14. Указ Президента РФ от 17.12.1997 г. № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 52. – Ст. 5909.
15. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 01.12.2007) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
16. Фриденберг В.Ф. Внутрисемейные отношения и их влияние на воспитание детей и подростков // Трудные судьбы подростков – кто виноват? – М.: Юридическая литература, 1991. – С. 203-206.
17. Характеристика лиц, совершивших преступления. Общие сведения о состоянии преступности. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2007 года / Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: http://www.mvd.ru/userfiles/file/statistics/stats_12_2007.pdf (дата обращения 04.11.2012).
18. Шипунова Т.В. Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии / NarCom.ru: русский народный сервер против наркотиков [сайт]. URL: <http://www.narcom.ru/law/system/39.html> (дата обращения 04.11.2012).

РАЗДЕЛ IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 341:342 (4/9)

Дерябина Е.М.

Московский государственный областной университет

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ

Ye. Deryabina

Moscow State Regional University

THE EUROPEANIZATION OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW: BASIC FORMS

Аннотация. Рассмотрены некоторые характерные формы европеизации международного публичного права. Среди наиболее распространенных форм, таких, как общие принципы международного права, обычные нормы международного права, международные договоры, акты судебного толкования права, автор уделяет основное внимание международным договорам и деятельности Европейского суда. Особая роль принадлежит некоторым видам международных договоров, в частности таким, как смешанные международные договоры, предусматривающим в своем содержании совместный характер ответственности сторон. В процессе европеизации международного публичного права значительна роль Европейского суда, так как этот надгосударственный орган преобразовывает учредительные международные договорные акты Европейского сообщества во внутри европейские конституционные акты. Автор также обращает внимание на то, что процесс европеизации международного публичного права – двусторонний, и международное право оказывает обратное воздействие на европейское право. Регулятивные возможности последнего значительно усиливаются.

Abstract. The article considers some characteristic forms of Europeanization of public international law. Of all the most common forms, such as general principles of international law, customary rules of international law, international agreements, acts of judicial law interpretation, the author focuses on international agreements and the European Court procedures.

Certain types of international treaties, mixed international treaties in particular, which provide for joint responsibility of the parties, are of high importance in the process of Europeanization.

European Court plays a significant role in the process of Europeanization of public international law, as this supranational body converts the incorporation of international treaties of the European community into European constitutional acts.

The author also highlights the fact that the process of Europeanization of public international law is bilateral, and international law has the opposite effect on European law enhancing regulative possibilities of the latter.

Key words: Europeanization of public international law, international treaties, the legal system of the European Union, the European Court of Justice, national law.

Ключевые слова: европеизация международного публичного права; международные договоры; правовая система Евросоюза; Европейский суд справедливости; внутригосударственное право.

Будучи относительно самостоятельными и самодостаточными правовыми системами, международное и европейское право взаимосвязаны и взаимодействуют в разных формах и на разных уровнях: на уровне договорных актов, общих принципов, обычаев, традиций и др. При этом, как и во взаимоотношениях международного права с другими правовыми системами, неизменно встает общий вопрос о характере этих взаимоотношений, сводящийся к более конкретному вопросу о приоритете международного права по отношению к европейскому праву, и формах его проявления, а также об обратном влиянии европейского права на международное, т. е. о *европеизации* международного права. В соответствии со сложившимся в Европейском союзе и государствах-членах представлением, европеизация символизирует распространение в мире общеевропейской политики, права, культуры и иных ценностей в целях восприятия их другими народами, государствами и сообществами.

Рассматривая европеизацию как «фундаментальный процесс», исследователи подразделяют ее, в зависимости от масштаба и географии распространения данного процесса, на глобальную, охватывающую различные континенты и страны, и региональную, распространяющуюся на государства и сообщества отдельных регионов. В зависимости от сферы распространения европеизация классифицируется на европеизацию в политической, правовой, идеологической и иных сферах; в зависимости от форм правления – на внутреннюю, преследующую цель интеграции общеевропейских ценностей и интересов, и внешнюю, рассчитанную на внедрение общеевропейских представлений, ценностей и интересов преимущественно за пределами европейской цивилизации. Применительно к праву, внутренняя европеизация наиболее зримо проявляется в наци-

ональных правовых системах. Что касается внешней европеизации, то она легко прослеживается в международном публичном праве, выступающем в качестве одного из ее проявлений.

В западной юридической литературе существует несколько, в той или иной мере отличающихся друг от друга, определений европеизации международного публичного права. Но все они, в конечном счете, сводятся к тому, что европеизация данной сферы права – это процесс взаимосвязи и взаимодействия международного публичного права с общеевропейским правом, а точнее – с правом Европейского союза, в результате которого международное публичное право приобретает различные качества европейского права и вместе с тем усиливает в его пределах свою регулятивно-образующую роль. Процесс европеизации международного публичного права, как это следует из практики и сложившегося о нем представления, не является односторонним процессом воздействия на него европейского права – это двусторонний процесс, в результате которого международное право оказывает обратное воздействие на европейское право, усиливая при этом его регулятивные возможности и способности.

Несмотря на то, что темпы и интенсивность европеизации международного публичного права, как и других правовых систем, в разные периоды развития европейского и мирового сообщества были далеко не одинаковы, тенденция постепенного нарастания данного процесса всегда сохранялась и развивалась. Каким образом международное право внедряется в европейское право и как европейское право воздействует на международное право, придавая ему европеизированный характер и усиливая в регионе его регулятивные возможности? Такого рода вопросы неизбежно встают, когда речь идет о

взаимосвязи и взаимодействии двух рассматриваемых правовых систем, так же как и о процессе, именуемом европеизацией международного или иного права. Отвечая на эти вопросы, следует обратиться прежде всего к рассмотрению устоявшихся путей и средств взаимного воздействия правовой системы Евросоюза и международного публичного права, приводящего в конечном счете к европеизации последнего.

В научной литературе к разряду такого рода путей и средств относят: а) общие принципы международного права, следование которым является обязательным не только для институтов Евросоюза и государств-членов, но и для надгосударственных судебных органов в процессе толкования ими европейских законодательных актов и рассмотрения конкретных дел; б) обычные нормы международного права, основанные на международной практике [1]; в) международные договоры, заключаемые Евросоюзом или от его имени, которые являются важным средством правотворческой деятельности Союза; г) акты судебного толкования обычных международных договоров, одной из сторон которых является Союз, и учредительных, международных по своей природе и характеру договоров, преобразованных соответствующими решениями Суда из внешних международных актов во внутрисоюзные конституционные акты. Не имея возможности подробно останавливаться на раскрытии каждого пути и средства европеизации международного публичного права, уделим больше внимания лишь некоторым из них. А именно – *международному договору*, его значению и роли в процессе европеизации международного публичного права, и некоторым решениям судов, оказавшим влияние на процесс европеизации.

Теоретики права и практикующие юристы выделяют несколько видов международных договоров, непосредственно связанных с процессом европеизации международного публичного права. В их числе такие договоры, в которых одной из сторон является Европейский союз как надгосударственный

институт в целом; участниками которых являются Евросоюз и отдельные государства-члены; договоры, заключенные государствами-членами с третьими странами на основе требований национального и с учетом соответствующих положений европейского права. Каждый из этих видов договоров отличается от друг от друга по ряду параметров, включая предмет соглашения, сферу применения, количество и статус участвующих в договорных отношениях сторон. Однако, несмотря на существующие между такого рода международными договорными актами различия, между ними больше общего, чем особенного.

Говоря об обусловленности общих признаков, следует указать прежде всего на особую экономическую, социально-политическую и юридическую среду, в пределах которой эти акты возникают и функционируют. Такая среда формируется под влиянием общих принципов международного права и их приоритета по отношению как к национальному, так и к наднациональному праву, частью которых они провозглашаются. Среди этих принципов выделяется такой принцип, согласно которому Евросоюз остается связанным договорными обязательствами «независимо от тех же возможных проблем, которые могут появиться в правовой системе Евросоюза» [2, с. 56]. Далее, здесь же действует принцип международного права, согласно которому статус международного договора в национальной или наднациональной правовой системе определяется не международным, а самым внутренним правом. Применительно к международным договорам Евросоюза их статус, соответственно, определяется не международным, а европейским правом.

Рассматривая вопрос об особенностях международных договоров Евросоюза, выступающих в качестве одного из важнейших средств европеизации международного публичного права, следует обратить внимание прежде всего на то, что эти договоры выступают в качестве источников европейского права и являются неотъемлемой частью ев-

ропейской правовой системы. Международный договор, подобно учредительным договорным и другим актам Европейского союза, может применяться непосредственно, без принятия каких-либо иных дополнительных актов, в национально-правовых системах государств-членов и обладать прямым действием в той их части, которая не требует дополнительного толкования. Такого рода договоры именуются в западной юридической литературе *смешанными* международными договорами. В отличие от международных договоров, заключенных только Союзом и, соответственно, не нуждающихся в дополнительных актах для их применения, смешанные договоры в некоторых случаях нуждаются в ратификации высшими органами власти государств-членов. Наряду с отмеченной особенностью, смешанный договор отличается от обычного международного договора, заключенного в рамках Европейского Союза тем, что предусматривает в своем содержании двойственный, а точнее – совместный характер ответственности стороны за невыполнение указанных в нем требований и положений. Если в договоре, заключенном Евросоюзом с третьими странами или международными организациями, ответственность ложится только на Евросоюз, то в смешанных договорных актах она разделяется также государствами-членами, участвующими в этих договорах. По своему правовому статусу и месту в системе источников европейского права смешанный договор принципиально не отличается от других международных договоров, сторонами которых является Евросоюз и Европейский совет. Будучи неотъемлемой составной частью правовой системы Европейского союза, смешанный правовой договор обладает неоспоримым приоритетом по отношению к национальному праву государств-членов в той ее части, которая «не относится к исключительной компетенции государств-членов», осуществляемой ими в рамках национально-конституционного права [4, с. 28].

Аналогичную роль, связанную с процессом европеизации международного публич-

ного права, играют не только международные договоры, интегрирующие международное право в европейское право и наделяющие его чертами и характером последнего, но и многочисленные акты судебных органов, особенно Европейского суда справедливости или Суда справедливости Европейского союза (по Лиссабонскому договору). Необходимо заметить, что, имея дело с европеизацией международного права, Суд действует в разных направлениях и различными способами. В одних случаях его воздействие на процесс европеизации проявляется непосредственно, а в других – опосредованно, в основном через международные договоры. Например, в случаях подготовки предварительных заключений по проектам договоров, их толкования, рассмотрения договоров с точки зрения их соответствия учредительным договорным актам Европейского союза. Анализируя деятельность судебных органов Евросоюза по этим направлениям, исследователи отмечают не только последовательное возрастание их активности, но и усиление эффективности их воздействия как на международное право, так и на европейскую и национальные правовые системы государств-членов и третьих стран. Прямое воздействие Суда на процесс европеизации международного публичного права выражается в том, что именно этот надгосударственный орган преобразовал учредительные международные договорные акты Европейского сообщества во внутри европейские конституционные акты; сформировал в рамках Европейского сообщества новый, самостоятельный по отношению к международному праву и национальным правовым системам правопорядок; объявил обычные нормы международного права и международные договоры составными частями и источниками европейского права; обязал институты Европейского Союза и судебные органы государств-членов в своей повседневной деятельности руководствоваться, в том числе, общими принципами международного права и т. д. [3, с. 169-195].

Что касается опосредованного воздействия Суда на процесс европеизации

международного публичного права через международные договорные акты, то оно проявляется: а) в объявлении частичной приоритетности международных договоров по отношению к национальному праву государств-членов; б) определении места и роли международных договоров в правовой системе Европейского союза; в) установлении и закреплении принципа прямого действия четких положений международных договоров в правовых системах государств-членов; г) осуществлении контроля за тем, чтобы подготовка и заключение международных договоров проводилась в пределах компетенции Евросоюза и государств-членов; д) в толковании Судом международного договора или его отдельных частей, касающихся Евросоюза в целом либо его различных институтов, которое проводится в значительной мере по аналогии с толкованием внутренних актов Евросоюза с учетом специфики данных международных договорных актов [2, с.

84-85]. В процессе толкования договорных и иных актов наряду с прежними методами широко применяются комбинированные методы, ориентирующиеся не только на целевое, но и на текстовое, на контекстное и иное толкование. Кроме названных путей европеизации международного публичного права, существуют и некоторые другие направления, требующие отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Капустин А.Я., Блищенко И.П. Европейский союз: интеграция и право. – М.: РУДН, 2000. – 436 с.
2. Europeanization of International Law. The Status of International Law in the EU and Its Member States / eds. by J. Wouters, A. Nollkaemper, E. Wet. – The Hague: T.M.C Asser Press, 2008. – 260 p.
3. International Law Aspects of the European Union / ed. by M. Koskenniemi. – The Hague: Kluwer Law International, 1998. – 324 p.
4. Lavranos N. Legal Interaction between Decisions of International Organizations and European Law. – L.: Europa Law Publishing, 2004. – 310 p.

УДК 346.176.1

Шаповалов Н.И.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ, ИХ МЕСТО И РОЛЬ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

N. Shapovalov

Moscow Financial and Industrial University «Sinergiya»

THE LEGAL NATURE OF POLITICAL COOPERATION BODIES, THEIR PLACE AND ROLE IN THE EU SYSTEM OF BODIES

Аннотация. В статье раскрываются особенности создания органов политической кооперации и связь процесса их формирования с изменением геополитической ситуации в Европе. В основе исследования лежит анализ учредительных договоров, правовых актов, определяющих правовую природу этих органов, высказываний отцов-основателей европейской интеграции. Проанализировав правовой аспект политического сотрудничества государств-членов в рамках ЕС, автор пришел к выводу, что Европейский союз не рассматривает альтернативу развитию процесса политической интеграции.

Ключевые слова: политическая кооперация, политическая интеграция ЕС, система органов политической кооперации, правовая природа системы органов политической кооперации.

Abstract. The article reveals the features of making political cooperation bodies and the connection of this process with geopolitical changes in Europe. The study analyses the treaties, legislative acts determining the legal nature of these bodies, as well as the statements of the founding fathers of the European integration. On examining the legal aspects of political cooperation among the EU member states, the author came to the conclusion that the European Union sees no alternative to the development of political integration.

Keywords: political cooperation, the EU political integration, the system of political cooperation, legal nature of the system of political cooperation.

Сегодня в Евросоюзе на всех уровнях крепнет мнение в пользу создания политического союза. Об этом говорили на июньской (2012 г.) встрече Европейского совета, об этом свидетельствуют решения Европейского совета от 17 декабря 2010 года и от 25 марта 2011 года. К этому же подталкивает кризис неплатежей, поразивший еврозону. Закономерен вопрос: что этому мешает? Казалось бы, еще в Маастрихтском договоре об учреждении Европейского союза были определены направления политического сотрудничества, последующие договоры, включая Лиссабонский о реформах, подтвердили эти пожелания, а желаемой политической интеграции до сих пор не видно. Вопрос политического сотрудничества в Европейском союзе не так прост, как может показаться на первый взгляд. Он имеет давнюю историю со своими успехами и неудачами. Еще на заре создания интеграционного объединения его основатели подразумевали возможность политического сотрудничества в рамках создаваемой организации, однако реализовать его в то время не представлялось возможным. Исторические условия 50-х гг. не позволяли даже рассматривать возможность правового закрепления процесса политического сотрудничества в рамках интеграционного процесса. Политическая интеграция требует существенного ограничения национального суверенитета государств-членов, которое не могло сложиться в то время, когда историческая память Второй миро-

вой войны была еще свежа и подпитывала традиционное недоверие государств-членов друг к другу. Постепенно на фоне успешной деятельности экономической интеграции и ухода с политической сцены политиков, участвовавших в войне, стали складываться благоприятные обстоятельства для политического сотрудничества. Новое поколение во Франции психологически было настроено не так негативно по отношению к Германии, как французы старшего поколения.

Практика политического сотрудничества государств-членов пошла по двум направлениям. Во-первых, путем развития интеграционных процессов в самом Сообществе за счет придания Европарламенту дополнительных полномочий, в том числе политических, расширения права контроля, предоставления бюджетных прав, предоставления права участия в правотворческой деятельности, предоставления права политической инициативы и т. д. Во-вторых, путем создания и совершенствования механизма политической кооперации и создание специальных институтов, не предусмотренных учредительными договорами, и действующих независимо от системы органов Сообщества. Они фактически занимались подготовкой и решением государствами-членами конкретных политических проблем, стоящих перед Сообществом. В западноевропейской юридической литературе того времени [9, с. 187] эти институты получили название «органов политической кооперации». Идея политического сотрудничества в рамках Сообщества нашла свое отражение в плане К.Фуше¹ еще в 1961 г., но только в декабре 1969 г. на встрече в верхах в Гааге была предпринята первая робкая попытка осуществить эту идею на практике. Главы государств и правительств стран-членов Сообщества поручили тогда своим министрам иностранных дел к концу июля 1970 г. представить конкретные предложения по формированию «в будущем еди-

ной политики государств-членов» [10, с. 4]. Для изучения текущих проблем и политического анализа широкого круга вопросов был создан так называемый «политический комитет» под председательством чиновника бельгийского МИД Э. Давиньона. Комитет подготовил доклад министрам иностранных дел, который был ими предварительно рассмотрен 20 июля 1970 г., а 27 октября 1970 – г. официально одобрен. Этот доклад известен в отечественной и зарубежной литературе как «доклад Давиньона», или «Люксембургский доклад» [3, с. 9], согласно которому государства-члены обязаны были регулярно консультироваться по основным вопросам международной политики на соответствующих уровнях.

Органы политической кооперации менее известны, чем органы Сообщества, но не менее сложны. Высшим из них является Европейский совет, созданный в 1974 г., который сначала назывался Совещанием в верхах. Несколько ниже по своей значимости располагалась Конференция министров иностранных дел. Далее следует Политический комитет. И замыкает структуру центральных регулярных органов политической кооперации Европейская корреспондентская группа.

Европейский Совет. Важнейшим документом, институционализации системы органов политической кооперации, оформивший тесную связь институтов Сообщества с органами политической кооперации, стало коммюнике совещания на высшем уровне в Париже 10 декабря 1974 г. [11, с. 1006]. На совещании было решено создать так называемый «Европейский Совет», который должен стать высшим органом Сообщества. В задачи Европейского совета входило распространение политической кооперации «на все аспекты международной политики, которая проводится в интересах Сообщества» [9, с. 185]. На этом же совещании было решено активизировать роль Европейского парламента в решении вопросов политической кооперации путем предоставления ему права делать соответствующие запросы любому институту Сообщества. Уникальный статус Европей-

¹ План Фуше, предусматривавший политическую интеграцию ЕЭС, назван по имени председателя комиссии, составившей его, видного французского дипломата Кристиана Фуше [5, с. 108].

ского совета, одновременно возглавлявшего систему органов политической кооперации и систему институциональных органов Сообщества, позволял ему при определенных обстоятельствах трансформировать решения органов политической кооперации в правовые акты Сообщества.

Конференция министров иностранных дел. Впервые решение о проведении регулярных консультаций министров иностранных дел государств-членов ЕЭС было принято 1-го декабря 1969 г. в Гааге на совещании глав государств и правительств государств-членов Сообщества [5, с. 7-18]. Конференция министров иностранных дел как институт была создана в соответствии с Люксембургским докладом 1970 г. В ее компетенцию входило рассмотрение по поручению Европейского совета вопросов, относящихся к политической кооперации государств-членов, а также подготовка повестки дня заседаний Европейского совета. Конференция министров иностранных дел¹ собирается по мере необходимости.

Политический комитет, впервые возник, в соответствии с решением министров иностранных дел, в феврале 1970 года. В рамках Политического комитета проводилось предварительное согласование позиций государств-членов по проблемам политической кооперации, окончательное решение принималось на Конференции министров иностранных дел. Политический комитет состоял из руководителей политических отделов министерств иностранных дел государств-членов Сообщества, его заседания сначала проводились 4 раза в год, а начиная с 1973 г. по мере необходимости. Этот орган, благодаря стабильности своего состава и тому стратегическому положению, которое занимают его члены в министерствах иностранных дел своих стран, стал важным звеном политической кооперации.

¹ Конференция министров иностранных дел может собираться и в составе других министров, например, министров юстиции, если проблема касается юридических вопросов. Но во всех случаях вопросы, рассматриваемые на конференции, относятся к компетенции политической кооперации.

Европейская корреспондентская группа. В свою очередь, Политическому комитету нужен был специализированный орган для подготовительной работы, такой же работы, какую выполняет сам Политический комитет для Конференции министров иностранных дел. Таким органом стала Европейская корреспондентская группа, которая была создана в соответствии с докладом «О методах усиления политической кооперации» официально одобренном 23 июля 1973 г. на встрече в верхах в Копенгагене. В литературе этот доклад известен как Копенгагенский. В нем был подведен итог политической кооперации государств-членов с момента создания Сообщества и усложнена структура политической кооперации, появилась так называемая «Европейская корреспондентская группа». Она формировалась из высокопоставленных чиновников каждого министерства иностранных дел для наблюдения за делами политической кооперации и централизации информации, касающейся политической кооперации, а также готовила материалы для работы Политического комитета и изучала проблемы, которые поручал ей Политический комитет. Европейская корреспондентская группа собиралась на свои заседания с такой же периодичностью, как и Политический комитет. Аналогичную роль играли контакты между посольствами государств-членов в их столицах [9, с. 187], и постоянными представительствами государств-членов в таких международных организациях, как ООН, ЮНЕСКО, ЮНКТАД и др. С тех пор в общую структуру политической кооперации государств-членов входит система консультаций, осуществляемая между посольствами и миссиями государств-членов в любой третьей стране. Причем посольство государства, председательствующего в это время в Совете ЕС, выступает на этой встрече в качестве политического секретариата.

Межгосударственные отношения государств-членов длительное время строились на идее незыблемости суверенных прав. Но чем дальше шел процесс экономической

интеграции в Сообществе, тем насущнее становилась надобность в единообразном решении ряда политических проблем, связанных с развитием Сообщества. Его нарастающей политизации способствовала также необходимость в коллективной защите государств-членов от современных вызовов и океанского политического и экономического давления. Поскольку учредительные договоры не содержали положений о конкретных формах и путях политизации Сообщества, а некоторые государства-члены выступили против их ревизии, это препятствие было обойдено созданием системы органов политической кооперации. Она позволила в определенной мере сочетать национальные интересы государств-членов с общими интересами Сообщества. Практически во всех органах политической кооперации, включая рабочие группы и группы экспертов, есть представители государств, которые действуют в соответствии с инструкциями своих правительств. Хотя это и не очевидно на первый взгляд, именно поэтому некоторые авторы ошибочно называют органы политической кооперации органами политического сотрудничества государств-членов, но органы политической кооперации и национальные органы внешних сношений имеют разную правовую природу. Органы внешних сношений, через которые государства-члены осуществляют внешнеполитическое сотрудничество, носят либо конституционный, либо специализированный характер. Соответственно, внешнеполитическая деятельность может осуществляться в пределах компетенции, определенной национальной конституцией государства-члена. Деятельность органов политической кооперации направлена на реализацию целей, определенных в учредительных договорах, при заключении которых государства-члены в соответствии с национальными конституциями передали часть своего суверенитета Сообществу. Очевидно, что практика политической кооперации государств-членов Сообщества пошла по пути сохранения суверенитета каждого государства, участвующего в

ней. В то же время она привнесла в процесс интеграции новые формы и методы межгосударственного сотрудничества государств-членов.

Для определения правового статуса органов политической кооперации следует уточнить правовую природу актов, на основе которых они были созданы. К таким актам следует отнести: Люксембургский доклад 1970 г., Копенгагенский доклад 1973 г., Коммюнике Совещания в верхах 1974 г. в Париже и др., правовая природа которых оказалась неясной. Во всяком случае, в западной юридической литературе нет определенного мнения о юридической природе подобных актов. Так, Ж. Шарпантье считает их сугубо политическими актами, в то время как П. Ласок полагает, что юридическая природа подобных документов недостаточно ясна [8, с. 25; 12, с. 295]. На взгляд автора, эти акты по своей юридической природе представляются межгосударственными договоренностями, принятыми институтами Сообщества, и содержащими нормы процессуального права, в силу чего они стали неотъемлемой частью правовой системы Сообщества. В них выражается готовность государств-членов Сообщества создать механизм политической кооперации и регламентируется его функционирование, обуславливается периодичность рабочих встреч на определенном уровне и соответствующие связи непосредственно с институтами Сообщества.

Система органов политической кооперации отличается как от национальных органов политического сотрудничества, так и от системы институционализированных органов Сообщества, которые носят наднациональный характер и решения принимают в соответствии с процедурой, закрепленной учредительными договорами (простым, абсолютным или квалифицированным большинством, или единогласно). Отсюда отличия в правовой природе принимаемых решений. Основными функциями институтов политической кооперации явилось согласование на основе консенсуса политической воли государств-членов Сообщества

по проблемам, относящимся к деятельности по реализации целей договоров. Речь идет об институтах, правомочных согласовывать решения от имени государств в рамках политической кооперации. Это, прежде всего, Европейский совет, состоящий из глав государств и правительств государств-членов, и в соответствии с положениями статьи 7 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. состоит из лиц, правомочных от имени своих государств заключать международные соглашения.

Следует отметить, что форма юридических актов, в которую облакаются решения Европейского совета по наиболее крупным политическим проблемам, несколько отличается от обычной формы подобных актов, принимаемых в Сообществе. Юридические акты органов политической кооперации выступают в таких формах, как: кодексы (*code de conduite*), резолюции, декларации, смешанные соглашения (*les accords mixtes*) и др. Суть этих отличий заключается в различной правовой природе такого рода актов. В западной юридической литературе нет единого взгляда на правовую природу подобных актов. На наш взгляд, эти исследования не учитывают конкретного характера таких деклараций. Договаривающиеся стороны не просто провозглашают в них свое отношение к важной проблеме, но принимают определенные практические обязательства, закрепленные в данном акте. Такие документы являются по своей сути международными соглашениями [2, с. 60]. Сотрудничество органов политической кооперации, отдельных институтов Сообщества и государств-членов осуществляется также на основе соглашений нового типа, получивших наименование «смешанных соглашений». Смешанными они называются потому, что их участниками могут быть как субъекты международного права, например, государства-члены или Сообщество в целом, так и отдельные институты Сообщества, которые не являются таковыми. От имени Евратома смешанные соглашения могут быть заключены его Техническим комитетом. Таково, например, со-

глашение между Техническим комитетом Евратома и государствами-членами в области охраны окружающей среды от ядерного заражения и продуктов распада. Факт существования подобных соглашений свидетельствует о возникновении новой формы объединения государств в рамках политической кооперации, когда государства-члены сотрудничают между собой не только внутри Сообщества, но и все вместе, в рамках нового объединения, с отдельными институтами Евратома.

Объединив в одном органе принципы деятельности политической кооперации и сотрудничества в рамках Сообщества, Европейский совет завершил организационное оформление структуры политической кооперации государств-членов и структуры Сообщества. Фактически стал органом, правомочным рассматривать практически любые вопросы деятельности Сообщества. Европейский совет рассматривал одновременно проблемы, относящиеся к различным сферам, как бы создал синтез двух методов деятельности политической кооперации и Сообщества [13, с. 889; 6, с. 1]. Уже на совещании в верхах в 1969 г. в Гааге, положившем начало созданию механизма политической кооперации, стал определяться круг проблем, требующих ее внимания. Подписание 7 февраля 1992 г. государствами-членами в г. Маастрихте Договора об учреждении Европейского союза стало знаковым для Европы. Был сделан важный шаг для дальнейшего развития интеграционного процесса. С переходом на следующий уровень интеграции перед Европейским союзом встали новые проблемы политического характера. Политическая кооперация уже не может отвечать этим возрастающим требованиям жизни. Европейский союз вплотную подошел к необходимости решения проблем политической интеграции. По мнению Николя Саркози, которое он высказал в 2007 г. на страницах журнала «*Europe's World*»: «ЕС должен действовать быстро, если он хочет восстановить свою способность реагировать на такие неотлагательные проблемы, как безопасность и

нелегальная эмиграция». Для этого, считает Саркози: «Нам необходимо различать две группы приоритетных задач: первая требует незамедлительных институциональных реформ, чтобы принятие решений на уровне ЕС снова стало действенным (т. е. через политическую интеграцию – прим. автора); вторая заключается в достижении консенсуса и требует гораздо более длительного времени (т. е. принятие решений через механизм политической кооперации – прим. автора)» [3, с. 1].

Огромные возможности и последовательное расширение Европейского союза свидетельствуют о том, что рано или поздно все увеличивающаяся мощь экономической интеграции приведет к укреплению форм политической деятельности, наиболее важной из которых представляется политическая интеграция. Следует констатировать, что политическая интеграция в целом представляет собой процесс, который продолжается длительное время и которому, думается, нет альтернативы. Однако для осуществления политической интеграции должны быть условия, позволяющие ее реализовать. Государства, ревностно охраняющие свой суверенитет, не готовы воспринимать быстрые, преждевременные политические решения. Поэтому во всех сделанных до сегодняшнего дня шагах в развитии Европейского союза было необходимо достичь предварительного политического компромисса в рамках политической кооперации, которая, как форма совместной деятельности, выраженной консенсусом, может привести к процессу углубления, а в определенное время, также, и к расширению сотрудничества от экономической сферы до политической и военной. «Для создателей западноевропейской интеграции главным правилом их деятельности стала постепенность, строгое соблюдение первоочередности экономической интеграции, как основы интеграции политической» [1, с. 14]. Осуществляя поиск путей политической интеграции, 25 марта 2011 г. Европейский совет принимает решение 2011/199/EU, о дополнении ст.136 Договора о функцио-

нировании Европейского союза новым пунктом: «Государства-члены, валюта которых – евро, могут учредить механизм стабильности, который будет активирован всякий раз, чтобы сохранить стабильность еврозоны в целом. Предоставление любой необходимой финансовой помощи через механизм стабильности будет строго обусловлено» [14, с. 1]. По своему характеру создаваемый орган – Европейский механизм финансовой стабилизации, представляется надгосударственным органом политической интеграции, а значит, решения, принимаемые им, будут носить политико-правовую природу.

Политическая интеграция является тем инструментом, при помощи которого Европейский союз сможет функционировать как самостоятельный участник международных отношений. Однако политическая интеграция может возникнуть только в случае постепенности и продуманности отдельных шагов, а также с учетом компромиссных моделей принятия решений, таких, как политическая кооперация, которая уже сложилась и успешно функционирует. Только на этой основе может развиваться действительное политическое единство, в рамках которого Европейский союз мог бы функционировать эффективно. Политическая интеграция представляется важнейшей из обширной проблематики всей деятельности Европейского союза, в которой содержится суть и основа всех остальных видов деятельности, выражающихся либо как стремление к сотрудничеству внутри Европейского союза, либо как деятельность Европейского союза, за его пределами. Политическую интеграцию следует рассматривать не только как средство, при помощи которого можно отрегулировать внутренние отношения, но и способность к более быстрому формированию единой политики по отношению к международному сообществу. Ностальгия по довоенным временам, когда Европа влияла на мировые события и к ее голосу в мире прислушивались, подталкивает Европейский союз к поиску решений интеграции политических процессов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бирюков М.М. Европейское право: курс лекций. – М.: Омега-Л, 2006. – 128 с.
2. Лукашук И.И. Структура и форма международных договоров. – Саратов: Саратовский юридический институт, 1960. – 60 с.
3. Саркози Н. Реформа ЕС: что нам нужно сделать / Третий путь: либеральная дискуссионная площадка [25.04.2007] [сайт]. URL: <http://3dway.org/node/6641> (дата обращения: 04.11.2012).
4. Bul. C.E. – 1970. – № 4. – P. 9.
5. Bloes R. Le “Plan Fouchet” et le probleme de l’Europe politique. – Bruges: College d’Europe, 1970. – 108 p.
6. Blumann C. Le Conseil europeen // Revue Trimestrielle de Droit Européen [R.T.D.E.]. – 1976. – P. 1-20.
7. Bul. C.E. – 1970. – № 1. – P. 7-18.
8. Charpentier J. La cooperation politique entre les Etats membres des Communautés Europeennes // Annuaire Francais de Droit International [A.F.D.I.] – 1979. – V. 25, № 25. – P. 753-778.
9. Drew J. Doing business in the European Community. – Kent: Butterworth, 1979. – 280 p.
10. Doc. Fse. D.O. – 1970. – № 1. – P. 4
11. Doc. Fse. D.A.J. – 1974. – № 52. – P.1006.
12. Lasok D. & Bridge J. The Law of the Economy in the European Communities. – London: Butterworth, 1980. – 455 p.
13. Le Conseil europeen. origine, role et perspectives // A.F.D.I. – 1975. – V. 21, № 1. – P. 889-902.
14. Official Journal of the European Union. L serie, № 91. – 2011. – 6 apr.

РАЗДЕЛ V. Трибуна молодого учёного

УДК 343.3/.7

Владимиров А.Ю.

Московский институт экономики, политики и права

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО ПРИЗНАКА ХИЩЕНИЯ («БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ ИЗЪЯТИЕ») НА КВАЛИФИКАЦИЮ ДЕЯНИЯ

A. Vladimirov

Moscow Institute of Economics, Politics and Law

THE IMPACT OF OBJECTIVE SIGN OF THEFT ("UNCOMPENSATED SEIZURE") ON ACT QUALIFICATION

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации деяния в качестве преступления против собственности, в связи с закреплением такого обязательного объективного признака, как «безвозмездность изъятия» в законодательном определении понятия хищения, а так же нарушения конституционных прав личности и гражданина в реализации правомочий собственности. Автором дан анализ современного российского законодательства, регулирующего и охраняющего отношения собственности, предлагаются варианты устранения сложившихся противоречий и проблем при квалификации преступлений с признаком хищения.

Ключевые слова: хищение, преступление против собственности, признаки хищения, нарушение права собственности, безвозмездность изъятия.

Abstract. The article considers the following problems:

– qualification of an act as a property crime in connection with establishment of such an obligatory objective sign as «uncompensated seizure» in the legislative definition of “theft”;

– violation of the constitutional rights of an individual and a citizen in the implementation of property rights.

The current Russian legislation governing and defending property relations and revealing their content is analyzed. Some ways of solving the above-mentioned problems are suggested.

Key words: theft, a crime against property, evidence of theft, violation of property rights, uncompensated seizure

Конституция Российской Федерации (далее Конституция) провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанностью государства [3, ст. 2]. Конституция также определяет, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, а осуществление этих прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [3, ч. 2, 3, ст. 17]. Конституцией определяются и устанавливаются основные правомочия собственника, которые подробно определены в Гражданском кодексе Россий-

ской Федерации. К этим правомочиям относятся правомочия владения, пользования и распоряжения своим имуществом [3, ч. 2, ст. 35]. Охрана данных правомочий от возможных посягательств и нарушений провозглашена не только Конституцией, но и является основной задачей, которую определил Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) [3, ч. 1, ст. 35; 4, ч. 1, ст. 2].

Преступным посягательством на отношения собственности и тем самым нарушающим установленные правомочия собственника является хищение. Хищение – корыстные уголовно наказуемые посягательства на чужую собственность, совершаемые путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты, грабежа и разбоя [2; 3]. Уголовная ответственность за хищения чужого имущества предусмотрена нормами главы 21 «Преступления против собственности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики» Особенной части УК РФ. Законодатель закрепил определение понятия «хищение» в примечании 1 к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Как отмечает Ю.И. Ляпунов, «... это своеобразный законодательный, а потому и общеобязательный ориентир, позволяющий правильно разрешить частные вопросы, возникающие при квалификации деяний, дающие возможность познать индивидуально-определенный признак совершенного преступления и сверить их соответствие требованиям уголовного закона. Общее понятие хищения можно в силу этого с полным основанием расценивать как полезный и необходимый инструмент познания подлинной антисоциальной и правовой природы корыстных посягательств на собственность, как надежный помощник работнику органов дознания, следователю, прокурору, судье в их деятельности, связанной

с применением уголовного закона» [2; с. 8-9]. Таким образом, законодательное закрепление определения понятия хищения является позитивной практикой законодателя, что, безусловно, упрощает правоприменительную деятельность.

Анализ понятия хищения позволяет выделить признаки, характеризующие его объективную и субъективную стороны. К признакам хищения, характеризующим объективную сторону относятся: изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или другого лица; противоправность изъятия и (или) обращения; безвозмездность изъятия; чужое имущество как предмет хищения; причинение прямого имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Выделение данных объективных признаков хищения прямо следует из законодательного определения, поэтому споров по выделенным признакам у большинства исследователей не вызывает. Так же выделили, например, объективные признаки хищения Н.А. Карпова и С.В. Богданчиков [2, с. 10; 1, с. 59].

В данной статье рассматривается проблема квалификации деяния в качестве преступления против собственности в связи с закреплением в законодательном определении понятия хищения такого обязательного объективного признака, как «безвозмездность изъятия», поэтому признаки хищения, характеризующие субъективную сторону рассматриваться не будут. И уже непосредственно будет рассматриваться содержание объективного признака хищения – «безвозмездность изъятия» в противоправных посягательствах на собственность в форме хищения. Необходимым признаком хищения с объективной стороны является безвозмездное изъятие или обращение чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц. Безвозмездным признается хищение имущества, за утрату которого собственник или законный владелец не получил равнозначной компенсации [5, с. 203]. Безвозмездность изъятия выражается в том, что собственник не получает за выбывшее из его владения

имущество необходимого эквивалентного возмещения в натуральном виде или в виде материальных ценностей. Частичное возмещение стоимости изъятого имущества не означает отсутствия признаков хищения, но может быть учтено судом при назначении наказания. Завладение чужим имуществом *с предоставлением надлежащего возмещения не может квалифицироваться как хищение* [2, с. 13]. С.В. Богданчиков, в частности, пишет о том, что безвозмездность изъятия как признак хищения налицо в двух случаях: а) собственнику или иному владельцу вообще не предоставляется никакое возмещение; б) возмещение не является надлежащим, адекватным [1, с. 64]. Таким образом, в науке уголовного права сложилось понимание хищения как «безвозмездного изъятия», то есть без предоставления адекватного возмещения его стоимости деньгами либо в иной форме.

Можно сделать вывод о том, что объективный признак хищения, как «безвозмездность изъятия», является обязательным и необходимым признаком при квалификации того или иного деяния в качестве хищения, и что частичное или ненадлежащее и неадекватное возмещение также характеризуют деяние как «безвозмездное». Однако остается вопрос: учитывает ли признак «безвозмездности» весь смысл, заложенный в него, или требуется дополнить его для однозначности понимания хищения. Признак *безвозмездности* при всей своей значимости не способен охватить встречающиеся в практике случаи завладения чужим имуществом с предоставлением собственнику, вопреки его воле, стоимостного эквивалента, полного возмещения. Поэтому наряду с признаком «безвозмездности» для полного отражения содержания хищения обязательно следует учитывать и признак нарушения *субъективного права собственника или иного владельца имущества*. Если виновный изымает имущество запрещенным законом способом при отсутствии у него права на получение имущества и действует вопреки воле собственника, который не выразил в какой-либо форме на-

мерения на отчуждение своего имущества, то такие случаи следует рассматривать как кражу или хищения в иной форме, в зависимости от обстоятельств дела.

Нельзя считать, что изъятие имущества из владения собственника с предоставлением полного возмещения не является преступлением. В данном случае требуется обратить внимание на то, что нарушается правомочие владения и распоряжения имуществом (а в целом вся триада правомочий собственника), происходит посягательство на правомочия собственника. Даже выплатив за изъятую вещь сумму в двукратном размере, собственник лишается возможности реализовать правомочие распоряжения своим имуществом, определять юридическую судьбу вещи, не говоря уже о правомочиях владения и пользования. Что прямо установлено в Конституции. Тем самым, в любом случае происходит посягательство на отношение собственности. Также нужно учитывать роль потерпевшего (собственника). Переосмысление роли потерпевшего в оценке преступного деяния должно исходить из постулата, провозглашающего человека, его права и свободы высшей ценностью.

Большинство исследователей склоняются к тому, что объектом преступления против собственности являются общественные отношения – отношения собственности [5, с. 199]. К ним относятся Л.Д. Гаухман, П.С. Яни, А.Н. Игнатов, Г.Л. Кригер, Ю.И. Ляпунов, С.В. Максимов, З.А. Незнамова, А.И. Рарог, Э.С. Тенчов, Б.В. Яценко и др. Но нужно в этих общественных отношениях обратить внимание на роль личности (потерпевшего). Если собственник (потерпевший) не хотел продавать свою вещь, но у него самовольно изъняли ее (для совершившего данное деяние – чужая вещь) с предоставлением возмещения, вдвое превышающего ущерб, в данном случае налицо нарушения одного из правомочий права собственности – правомочия распоряжения. Тем более что существуют вещи, ценность которых характеризуется субъективным отношением собственника, например, вещь дорога собственнику как па-

мать. В отечественной правоприменительной деятельности по-прежнему существует проблема материальной оценки морального вреда. Даже двукратное возмещение вреда не должно поощряться. Необходимо охранять и защищать установленные законом правомочия собственника.

С другой стороны, нужно учитывать, что предоставляется возможность изъятия с предоставлением надлежащего возмещения. Поощряется самовольность человека: сегодня он изымет с возмещением (чужую вещь), а завтра совершит кражу. Т. е. необходимо оценить степень общественной опасности подобного деяния. Как видится автору данной работы, подобное возмездное изъятие общественно опасно и причиняет вред отношениям собственности в частности и общественным отношениям в сфере экономикой деятельности в целом. У виновного как бы размывается постепенно граница сделок гражданско-правового характера и действий, связанных с субъективным желанием владеть тем или иным имуществом, даже совершая порой изъятия желанных вещей с надлежащим возмещением. Поэтому целесообразно устранить сложившуюся коллизию. Решением выявленной проблемы является учет признака нарушения субъективного права собственника или иного владельца имущества. Требуется такое же законодательное закрепление данного решения, как и в вопросе закрепления определения хищения. Предлагаемый вариант решения: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в поль-

зу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, нарушающие субъективное право собственности собственника или иного владельца». Закрепление в определении хищения признака *«нарушения субъективного права собственности собственника или иного владельца»* полностью дополняет все объективные признаки хищения и отражает суть и содержание преступных посягательств на отношения собственности, которые выражаются, прежде всего, в реализации триады правомочий собственника. В этом случае в законодательной деятельности будет выдержана линия приоритета прав и свобод личности и гражданина, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему позитивному развитию законодательства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Богданчиков С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. – М.: ЮНИТИ-ДАНА (Закон и право), 2011. – 239 с.
2. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. – 184 с.
3. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Собрание законодательства Российской Федерации [СЗ РФ]. – 1994. – № 1.
4. Российская Федерация. Уголовный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25.
5. Уголовное право России: учебник в 2 т. / под редакцией А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. – Т. 2. Особенная часть. – 848 с.

УДК 342.71 (470.47)

Лиджеева Н.Г.

Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

ПРИНЯТИЕ КАЛМЫКАМИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

N. Lidzheyeva

Kalmyk State University (Elista)

THE KALMYKS' RECEIVING RUSSIAN CITIZENSHIP: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Аннотация. С середины 80-х годов прошлого столетия в связи с демократизацией общественной и политической жизни усилился интерес к прошлому России и населяющих ее народов. Актуальным историческим вопросом стало определение подданства как правового института в Российском государстве, в том числе при рассмотрении историко-правового аспекта принятия подданства калмыцким народом при его вхождении в состав Российской империи и юридическое закрепление данного процесса. Добровольное вхождение калмыков было не столько юридическим закреплением в статусе подданных России, но прежде всего политическим актом – калмыков наделили подданством с целью охранять юго-западную часть страны от нашествий противника, устанавливая за ними территориальные границы.

Ключевые слова: подданство, натурализация, калмыцкое ханство, тайша, шерть.

Abstract. Since the middle of the 1980s democratic processes in Russia have inspired interest to its own history and the history of the nations living on its territory. Nowadays there is necessity of defining citizenship as a legal institute of Russia. The aim of the article is to examine historical and legal issues of receiving Russian citizenship by Kalmyk people. Kalmyks' voluntary naturalization is not merely a legal act of fixing their status as citizens of Russia, but also a political act as Kalmyks were granted this status with the aim of protecting the southwest part of the country from invasions, thus expanding the state borders. The history of Kalmykia is closely connected with the history of the Russian state and with the process of naturalization.

Key words: citizenship, naturalization, Kalmyk khante, taisha, shert.

Вопросам подданства в конце XIX и начале XX вв. уделяли внимание такие российские правоведы, как Гессен В.М., Куплеваский Н.О., Кокошкин Ф.Ф., а на современном этапе – один из крупных правоведов страны Кутафин О.Е. Известно, что русское право XVI и XVII вв. не содержало норм, которые бы четко определяли, кто является русским подданным, кто – иностранцем. Таких норм и не могло быть, поскольку само понятие подданства в тот период имело бытовой, а не юридический характер. В представлении русских людей быть подданным значило быть православным, а стать подданным – означало креститься в православную веру. С постепенным ослаблением значения вероисповедания российскими подданными становятся путем ассимиляции в социальной и политической среде места проживания. Наряду с фактическим укоренением, уже с первой половины XVIII в. начинает применяться и юридический способ вступления в русское подданство, именуемый натурализацией и связанный с принесением присяги на подданство. Натурализация русскому праву той эпохи была известна. Как некогда в Византии, и в России тех времен принятие православия явля-

лось единственным средством вступления в русское подданство, принадлежность к русской церкви отождествлялись с принадлежностью к русскому государству. Таким образом, по своим юридическим последствиям крещение в XVI и XVII вв. ничем не отличалось от натурализации. На некрещеное население распространялся ряд ограничений в правах. Им запрещалось, например, приобретение поместий и вотчин, вступление в брак с православными. Приобретаемое крещением подданство прекращалось со смертью. В XVIII в. бытовое понятие подданства постепенно утрачивалось, однако правовое понятие подданства к этому времени еще не сложилось – имела место «правовая лакуна» в толковании подданства.

Существенным образом иначе ставятся и решаются эти вопросы в XVIII в. Так, указ Петра I 1721 г. предусматривал возможность приобретения поместий и вотчин не в результате крещения, а путем принесения присяги на «вечное подданство Российскому Государю» [4, с. 93]. Вступление в подданство должно было быть добровольным, причем вступающий должен был показать искреннее свое желание и готовность служить Российскому государству. Однако манифест 1721 г. не говорил о вечном характере подданства. В свою очередь, Сенатский указ от 27 августа 1747 г. конкретно говорил о вечном подданстве: «... Аз нижепоименованный, бывший поданный, обещаюсь и клянусь Всемогущему Богу, что я Всепресветлейшей... Государыне... хочу верным, добрым и послушным рабом и вечно подданным с моею фамилией быть и никуда... за границу не отъезжать и в чужестранную службу не вступать» [4, с. 94]. Как способ натурализации присяга на подданство меняет свое значение в XIX в. Указом от 26 августа 1833 г. были впервые признаны допустимыми смешанные браки также при условии вступления в вечное подданство России. С прекращением колонизаторской деятельности русского правительства, указывал В.М. Гессен, разрывается та связь, какая в предшествующую эпоху существует между присягой на подданство и водворе-

ние. С этого времени присяга на подданство становится средством освобождения от тех правоограничений, которые устанавливаются для них в интересах коренного населения [1, с. 223-224].

В силу политических, социальных, экономических, а также правовых проблем, возникающих на рубеже XVI-XVII вв. между калмыками и Россией, возникла необходимость принятия подданства путем добровольного вхождения. Россия, раздвигая свои границы, использовала гибкую мирную дипломатию, предлагая взаимовыгодные условия, свое покровительство. Калмыки, учитывая эту важнейшую особенность национальной политики России, а также наличие в ней огромных свободных территорий, целенаправленно устанавливали контакты с городами-крепостями путем активной торговли и «взаимобещания». Практически с начала и до конца 60-х гг. XVII в., т. е. до образования Калмыцкого ханства в составе России, торгоутские и дербетские княжества самостоятельно ведут переговоры, снаряжают посольства к русским властям и властям других народов. Постоянно углубляя эти связи и встречая заинтересованное отношение даже со стороны центральной власти, калмыки все увереннее продвигались в глубь России, стремясь установить политические отношения на принципах вассалитета. При этом центральным вопросом опять же стоит вопрос о торге и месте кочевий. Но при таких политических отношениях калмыцкие тайши не отрицали установления по свободному соглашению иерархии, т. е. верховного права российского царя по отношению к ним.

С 1609 г. русское правительство и правители волжских калмыков стали вести отсчет годам вступления калмыков в подданство России (грамота от 20 августа 1609 г.). События 1607-1608 гг. и шерти 1608 г. положили начало русско-ойратским отношениям [3, с. 265]. Вот почему в последующих шертях одним из основных пунктов оставалось требование правительства соблюдать нерушимо российское подданство. Шерти 1655 и 1657 гг. завершили процесс добровольного

вхождения в состав Российского государства. Хотя шерть от 30 мая 1657 г. во многом повторяла прежние, но в ней были новые моменты, которые можно считать показателем решения тайшей принять окончательно подданство и признать отношения с правительством России [3, с. 310]. В исследованиях констатируется, что «решительным образом позиция русского правительства по вопросу о кочевьях была пересмотрена в 1655-1657 годах...» [5, с. 60]. Причиной тому являлась начавшаяся в 1654 г. война с Речью Посполитой. В ходе этого конфликта потребовалось привлечение дополнительных военных сил. В это же время активизировались калмыки с обращениями о разрешении территориального вопроса, заявляя о своем намерении служить Русскому государю «прямою правдою»: в присутствии астраханского воеводы К.О. Щербатова «на вечное и верное подданство» и обещался «быть под самодержавною государскою высокою рукою в вечном подданстве навеки неотступными... и его государское повеление исполнять» [3, с. 345]. Эта же формула звучала и в шерти от 24 января 1684 г.

Царское правительство старалось не допускать чрезмерной централизации власти в улусах в одних руках, особенно если они принадлежали личности решительной, склонной к самостоятельности. Для этого правительство стремилось сохранять равновесие сил между отдельными группировками калмыцкой знати, чтобы в нужный момент столкнуть их между собой. О такой направленности правительственной политики свидетельствуют высказывания первого астраханского губернатора А.П. Волынского (1719-1725), придерживавшегося мнения, что «для содержания калмыков ничто так потребно, чтоб между Аюкой-ханом и прочими владельцами баланс был. Буде же одним из них будет силен, тогда их трудно приводить в добрый порядок и прямое подданство»¹. Это не отвечало политическим интересам России на ее этапе государственного развития.

¹ Национальный архив Республики Калмыкии (далее – НА РК). Ф. И-36. Д. 18. Л. 1 об.

Такой же политики придерживался и Петр I. А.П. Волынский, добившись разделения улусов на две враждующие группировки в 1725 г., сообщал, что он достиг того, о чем мечтал и Петр I: «чтоб калмыцкий народ разделен был надвое, также и ханская власть, чтоб была в одних ханских руках»². Власти России, относясь настороженно к ойратам, как к значительной военной силе, решали дилемму: калмыков, находящихся уже на российской территории, оставить и попытаться мирным путем ввести в свое подданство или насильственно прогнать со своей, только что завоеванной территории, вступив в серьезный военный конфликт с огромной массой воинственных ойратских племен. С конца 40-х до начала 50-х гг. в отношениях между российским правительством и калмыцкой знатю наметились благоприятные тенденции.

Царская администрация, зная и понимая хорошее экономическое положение калмыков, природные качества их воинов, выдержанность проводимой ими политики на всем пути их продвижения, истинные миролюбивые стремления, проявила заинтересованность в принятии калмыков в свое подданство. Итак, шертями от 4 февраля 1655 г. и 30 марта 1657 г. было юридически оформлено завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства. В отличие от предыдущих шертей (устных и письменных), новая шерть (1657 г.) конкретно определила «быть в вечном подданстве и послушанье», отразив формулу отношений, характерную для сути самодержавной монархии – беспрекословная покорность подданных и безграничная власть правителя. С появлением этой официальной формулы определился новый рубеж в отношениях России с калмыками – добровольное государственное подданство, но пока без приобретения населением российского гражданства. На том или ином временном периоде существования Российского государства его правители должны были решать вопросы установления границ страны, чему способствовали кочевые народности,

² НА РК. Ф. И-36. Д. 25. Л. 4.

в силу своих врожденных качеств воинов и политической выдержанности. Определяя территорию для калмыцкого ханства, русские цари преследовали одну из главных целей – охранять юго-западную часть страны от нашествий противников. Возникает необходимость юридического оформления подданства калмыков. Однако этот процесс осуществлялся не единовременно, а длился на протяжении нескольких лет, что в итоге приводит к образованию калмыцкого ханства на территории Российской империи.

Россия, признав с одобрением факт добровольного вхождения калмыков в ее состав, официально от имени великого государя законно закрепила Грамотой Посольского приказа от 6 июля 1657 г. за своими подданными территорию: летом – от Астрахани до верховья Волги и зимой – побережье Каспийского моря, поросшее камышом. Необходимо заметить, что ведущие калмыцкие тайши, как подданные, приобретали статус государственных чиновников с денежным содержанием. Объективные факторы общественно-политического, государственного, экономического, социального развития калмыков привели к завершению образования национальной государственности в форме ханства в составе Российского государства. Как считает К.Н. Максимов, с этого времени

в России появился новый субъект – Калмыкия: «Ее подданство носило политический характер: было основано на чувстве государственного, территориального единства, а также на сознании общих внешних опасностей, угрожавших и калмыцкому народу, и южным границам России. Поэтому обоюдно принятые и нормативно закрепленные условия нахождения Калмыкии в составе Российского государства носили федеративный характер» [2, с. 24]. Таким образом, принятие калмыками подданства Российской империи – это не только юридическое закрепление в статусе подданных России, но и политический акт – калмыков наделили подданством с целью охранять юго-западную часть страны от нашествий противника, устанавливая за ними территориальные границы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. – СПб.: Тип. «Правда», 1909. – 458 с.
2. Илюмжинов К.Н., Максимов К.Н. Калмыкия на рубеже веков. – М.: Изд-во «ЗелО», 1997. – 310 с.
3. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – Т. 1. – 848 с.
4. Кутафин О.Е. Российское гражданство. – М.: Изд-во Юристъ, 2004. – 589 с.
5. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). – М.: Наука, 2002. – 524 с.

НАШИ АВТОРЫ

Баранов Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета; e-mail: ciwilist@rambler.ru.

Владимиров Алексей Юрьевич – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского института экономики, политики и права; e-mail: Vladimirov_al@mail.ru.

Ганский Михаил Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: mixailmag@rambler.ru.

Дерябина Елена Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета; e-mail: deryabina.e @ inbox.ru.

Козьякова Наталья Сергеевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nat5985@yandex.ru.

Коновалова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: ia.konovalova@mgou.ru.

Лиджеева Наталия Геннадьевна – преподаватель социально-экономического отделения Калмыцкого государственного университета; e-mail: belochka79el@yandex.ru.

Семыкин Вячеслав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: vsemykinv@yandex.ru.

Шапалов Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; e-mail: shapovalov_n@list.ru.